

© 2013 г. А.А. ЭНДРЕСЕН

САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ МОРФЕМЫ ИЛИ ПОЗИЦИОННЫЕ ВАРИАНТЫ? МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС РУССКИХ ПРИСТАВОК *о-* И *об-* В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ: КОРПУС И ЭКСПЕРИМЕНТ*

Статья посвящена нетривиальному вопросу русской морфемике – вопросу о взаимном статусе приставок *о-* и *об-*. До сих пор его решение сводилось к анализу лексического материала, представленного в толковых словарях. Замеченные противоречия в употреблении приставок привели к выдвигению гипотезы о морфологическом расщеплении изначально единой морфемы [Марков 1970; Алексеева 1978; Andrews 1984; Кронгауз 1998]. В данной статье приводятся результаты проверки этой гипотезы на материале а) данных Национального корпуса русского языка и б) психолингвистического эксперимента. Результаты обоих исследований полностью не укладываются в предсказания тестируемой гипотезы. На основе детального когнитивного описания системы подзначений приставок, ответов информантов на стимулы эксперимента, а также статистического анализа собранных данных я выдвигаю альтернативную гипотезу о нестандартной алломорфии и предлагаю считать *о-* и *об-* алломорфами единой морфемы. Изучение этого частного вопроса русской морфемике заставляет пересмотреть традиционное понимание алломорфии и обратиться к забытым идеям американских структуралистов о неадекватности бинарного (+/-) представления языковых единиц.

Ключевые слова: русский язык, приставки, глаголы, алломорфия, эксперимент, корпус

This article examines an interesting phenomenon in Russian morphology: the behavior of the prefixes *о-* and *об-*. Do these prefixes constitute two distinct morphemes or are they allomorphs of a single morpheme? Previous discussion in scholarly works has been limited to lexical data provided in dictionaries. A number of controversial uses of these prefixes were discovered and led to the hypothesis that the original single morpheme has split into two distinct morphemes. This article summarizes the results of two empirical tests of this hypothesis: first, against a comprehensive dataset extracted from the Russian national corpus; secondly, via a psycholinguistic experiment. The results of both studies do not fully match the predictions of the split hypothesis. I offer a detailed analysis of the radial network of submeanings expressed by the two prefixes, an independent account for the subject responses to experimental stimuli, as well as statistically robust analyses of both studies. On this basis I propose an alternative hypothesis of a single morpheme with non-standard allomorphy and argue for a unified account of *о-* and *об-*. The study of this particular problem of Russian morphology encourages us to reevaluate the traditional understanding of allomorphy coined in absolute terms and to revisit a number of forgotten ideas of American structuralists about the inadequacy of the binary (+/-) representation of linguistic units.

Keywords: Russian, prefixes, verbs, allomorphy, experiment, corpus

* Исследование осуществлено при поддержке гранта Норвежского совета по научным исследованиям и университета г. Тромсё. Я благодарю Л.А. Янду, Т. Нессета, Ю.Л. Кузнецову, А.Б. Макарову, С.В. Соколову, а также Т.В. Черниговскую за ценные замечания, а всех участников эксперимента за их время и инициативу. Отдельное спасибо двум анонимным рецензентам, чьи рекомендации и вопросы помогли мне доработать статью. Результаты исследования были представлены на XL Международной филологической конференции в СПбГУ в 2011 г., на летнем семинаре Норвежской ассоциации когнитивных лингвистов (NORKOG) в Осло и на IV Международной конференции по когнитивной лингвистике (UK-CLC) в Лондоне в 2012 г.

ВВЕДЕНИЕ

Представляют ли приставки *о-* и *об-* одну морфему или разные морфемы в современном русском языке – вопрос далеко не такой простой, как может показаться. Неудивительно, что он имеет столь долгую и разнообразную историю изучения и решался не только российскими лингвистами [Марков 1970; Аверьянова 1974; Алексеева 1978; Кронгауз 1998; Иткин 2007; Добрушина 2009], в том числе неоднократно на страницах этого журнала [Нефедьев 1994; 1995; Кошелев 2004б], но и за рубежом [Hougaard 1973; Roberts 1976; 1981; Andrews 1984; Shull 2003; Baydimitrova 2010; Baayen et al. 2013].

Причина столь широкого интереса к употреблению данных приставок заключается в нетривиальном взаимодействии фонологических и семантических факторов, определяющих их употребление. С одной стороны, как справедливо отмечает М.А. Кронгауз, использование данных приставок в рамках парадигмы одних и тех же глаголов предполагает идентичность значения этих приставок: ср. *обо-брать* – *о-беру*, *о(б)-бить* – *обо-бью*, *обо-знать* – *об-гоню*, *о-переться* – *обо-прусь*, *об-жечь* – *обо-жгу*, где *обо-* чередуется и с *о-*, и с *об-* [Кронгауз 1998: 132, 141]. В данном случае выбор приставки определяется на основе морфонологического контекста, а именно в зависимости от начальных фонем мотивирующей основы, к которой присоединяется приставка: начальных согласных основы и наличия беглой гласной. Более того, существуют такие пары глаголов, как *об-стричь* и *о-стричь*, *об-строгать* и *о-строгать*, *об-клеить* и *о-клеить*, в которых семантический вклад приставок *о-* и *об-* можно признать практически идентичным. Все эти наблюдения позволяют считать *о-*, *об-* и *обо-* позиционными вариантами одной морфемы.

С другой стороны, как показывают глаголы типа *о-красить*, *об-крадывать*, *обо-красть*, все три приставки могут сочетаться с одной и той же начальной группой согласных глагольной основы и одним и тем же местом ударения (нужно подчеркнуть, что эффект просодики в данном случае до сих пор не изучался). Сравните также варианты одной лексемы *о-бежать* и *об-бежать*, где *о-* и *об-* находятся в отношениях свободного варьирования. Вариант *об-бежать* характеризуется как более разговорный, *об-* здесь появляется незакономерно, однако все же достаточно часто в разговорной речи. Это говорит о том, что между *о-* и *об-* (а также *обо-*) нет идеальных отношений дополнительной дистрибуции, которыми, как правило, характеризуются алломорфы. Однако это еще не все. В русском языке существуют такие минимальные пары глаголов, в которых семантика *о-* и *об-* оказывается различной: *о-делить* – *об-делить*; *о-судить* – *об-судить*, *о-греть* – *обо-греть* и др. Семантические различия при этом часто интерпретируются как указывающие на то, что перед нами не алломорфы, а различные морфемы с различными значениями.

Принято считать, что для признания некоторых формантов алломорфами должны выполняться два условия: 1) идентичность значения и 2) отношения дополнительной дистрибуции [Matthews 1974: 116; Bauer 2001: 14; Haspelmath 2002: 27]. В случае русских приставок *о-* и *об-* мы сталкиваемся со следующей дилеммой: их семантика может быть абсолютно одинаковой, но подчас оказывается неожиданно различной, а распределение, хоть и имеет фонетические основания, все же не укладывается в узкие рамки дополнительной дистрибуции. Получается, что традиционные критерии выделения стандартных алломорфов соблюдаются далеко не всегда, данные языка приводят к прямо противоположным обобщениям, тогда как интуитивно ощущаемая близость *о-* и *об-* соседствует с рядом различий, которые невозможно отрицать.

Вопрос о взаимном морфонологическом статусе этих приставок решался в литературе по-разному: одни исследователи видели в них фонологические варианты единой морфемы [ГРЯ 1952: 589–592; Исаченко 1960: 148; Townsend 1968: 127; Roberts 1976; 1981; Барыкина и др. 1989; Анна А. Зализняк, Шмелев 2000: 83; Timberlake 2004: 404], другие отстаивали идею выделения двух самостоятельных морфем *о-* и *об-/обо-*

[РГ 1980: § 851]. Эти две позиции были частично совмещены в рамках гипотезы морфологического расщепления, согласно которой противоречия в синхронном распределении приставок *о-* и *об-* объясняются через исторический процесс дивергенции вариантов изначально единой морфемы **об-*. В результате, в современном русском языке мы уже имеем дело с двумя различными морфемами *О-* и *ОБ-*, которые различаются и семантически, и фонологически.

Нельзя не признать элегантность этой гипотезы, тем более что ее сторонники обосновали ее в рамках истории языка [Марков 1970; Алексеева 1978], провели анализ минимальных пар приставочных глаголов (таких как *осудить* и *обсудить*, *оледенеть* и *обледенеть* и т. п.) [Andrews 1984], определили семантическую специфику морфем *о-* и *об-*, а также иерархию их алломорфов и фонологические условия выбора последних [Кронгауз 1998: 131–148]. Тем не менее, несмотря на все эти достижения, вопрос о взаимном статусе *о-* и *об-*, по замечанию И.Б. Иткина [Иткин 2007: 84], до сих пор остается дискуссионным. До сих пор проводятся исследования, доказывающие или учитывающие семантическую общность этих приставок [Кошелев 2004а; Добрушина 2009], и, наоборот, в литературе появляются аргументы в защиту их разноморфемности [Иткин 2007: 85]. Это означает, что вопрос о соотношении *о-* и *об-* еще далеко не исчерпан, а точнее, не решен. Причину этого я вижу в том, что гипотеза морфологического расщепления еще не была основательно протестирована. Именно эту цель ставит перед собой данная статья.

В настоящей статье представлены результаты тестирования гипотезы морфологического расщепления. Тестирование осуществлялось двумя различными способами. Во-первых, был проведен систематический анализ лексического материала, а именно всех глаголов совершенного вида с приставками *о-*, *об-* и *обо-*, зафиксированных в Национальном корпусе русского языка [НКРЯ] и Грамматическом словаре А.А. Зализняка (по [Зализняк 2009]). Во-вторых, гипотеза морфологического расщепления была протестирована экспериментально на механизмах активного словопорождения носителей современного русского языка. Результаты обоих исследований частично поддерживают положения данной гипотезы, но в гораздо большей степени ей противоречат и позволяют выдвинуть альтернативное решение – гипотезу о единой морфеме с нестандартной алломорфией, предполагающую глобальный пересмотр традиционного понимания взаимоотношений алломорфов.

Настоящая статья организована следующим образом. В разделе 1 приводится характеристика гипотезы о морфологическом расщеплении, а также рассматриваются ее слабые стороны и предсказания. Раздел 2 посвящен исследованию корпусных данных и включает информацию о методике сбора и анализа глаголов, описание семантической сети подзначений приставок *о-*, *об-* и *обо-* в терминах когнитивной лингвистики, а также статистический анализ распределения приставочных глаголов в рамках предложенной модели полисемии. Раздел 3 описывает дизайн и проведение психолингвистического эксперимента и анализирует полученные результаты с точки зрения ожиданий, сформулированных в соответствии с гипотезой морфологического расщепления. В разделе 4 результаты обоих исследований суммируются и рассматривается их несоответствие гипотезе морфологического расщепления, вместо которой предлагается альтернативный анализ, признающий возможность нестандартной алломорфии при когнитивной целостности и одноморфемности приставок *о-*, *об-* и *обо-*. Развивая идею нестандартной алломорфии, я обращаюсь к забытым ключевым идеям американских структуралистов о неадекватности абсолютизированного бинарного (+/-) представления языковых единиц и связываю их с перспективами переосмысления отношений алломорфов в свете новых теорий и критериев.

Материалы проведенного исследования доступны на сайте <http://ansatte.uit.no/laura.janda/AEOB/AEOB.html>, где можно найти размеченную базу данных проанализированных глаголов, анкеты и стимулы, использованные в эксперименте, а также программы статистического анализа для корпусных и экспериментальных данных.

Прежде чем перейти к следующему разделу, необходимо сказать несколько слов о терминологии. Термин «приставка» используется в данной статье как нейтральный, преждевременно не приписывающий формантам *о-*, *об-* и *обо-* никакого взаимного морфологического статуса. Для характеристики последнего в статье используется противопоставление терминов «морфема» (*О-* vs. *ОБ*) и «алломорф».

1. ГИПОТЕЗА МОРФОЛОГИЧЕСКОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ

1.1. Сторонники и разработка идеи

Гипотеза морфологического расщепления была выдвинута в работах [Марков 1970; Алексеева 1978; Andrews 1984; Кронгауз 1998] и основывается на идее об историческом процессе дивергенции фонологических вариантов изначально единой морфемы. Результатом явилось семантическое обособление приставок *о-* и *об-* в современном русском языке: за приставкой *об-* закрепилось пространственное значение кругового движения (*ехать* – *объехать*), а приставка *о-* вошла в состав конфликсов¹ *о-...-ить* и *о-...-еть* со значением изменения объекта, придачи ему или приобретения им нового свойства (*жестокый* – *ожесточить*; *камень* – *окаменеть*).

Наблюдение о современной продуктивности *о-* и *об-* в двух различных словообразовательных моделях (образование глагола *об-злодать* по модели *об-лететь* и *о-виноват-и-ть* по модели *о-светл-и-ть*) было впервые описано в работе [Марков 1970] и с тех пор стало центральным аргументом гипотезы морфологического расщепления. Различное участие приставок в живых словообразовательных процессах представлено в статье В.М. Маркова как главный критерий их морфемной самостоятельности, тогда как существованием целого ряда переходных явлений, «пережиточных форм и значений», предлагается пренебречь [Марков 1970: 3–7]. Учитывая ценность наблюдения В.М. Маркова, можно согласиться с тем, что, чтобы уловить активную в языке тенденцию, лингвист действительно может позволить себе отвлечься от сосуществующих параллельных явлений, однако распространение полученного вывода на весь состав данных является уже довольно проблематичным. Тем более, что для носителей языка «пережиточные формы» составляют равноправную часть их языкового опыта и компетенции, и абстрагироваться от них носители не могут.

Впервые выдвинутая в [Марков 1970] идея о формировании самостоятельных морфем из фонетических вариантов была развита в проведенном под руководством ученого кандидатского исследования [Алексеева 1978], которое представляет собой обширный и детальный анализ материала древнерусского языка и прослеживает участие приставок *о-* и *об-* в отглагольном и отыменном словообразовании начиная с самых ранних памятников письменности и заканчивая художественной и публицистической литературой 1970-х гг. Подробная хронологизация процесса семантического и морфологического расхождения приставок *о-* и *об-*, к сожалению, не приводится. Подтверждается тезис В.М. Маркова о том, что фонологическая обусловленность вариантов *о-* и *об-* была далеко не последовательной уже на раннем древнерусском этапе [Марков 1970: 5; Алексеева 1978: 6]. При этом обнаруживается ключевая тенденция: «Ряд префиксальных глагольных конструкций, мотивированных в древнерусском языке глаголами» (*багрити* – *обагрити*, *богатити* – *обогатити*, *добрити* – *одобрити*, *жесточити* – *ожесточити*, *живити* – *оживити*, *зарити* – *озарити*, *росити* – *о(б)росити*, *свободити* – *освободити*, *своити* – *освоити*), впоследствии оказывается тесно соотношенным с именами (например, *богатый* – *обогатити*) и входит в новый словообразовательный тип, тогда как

¹ Двухкомпонентная морфема, участвующая в приставочно-суффиксальном способе образования [Земская 2006: 85; Немченко 1979: 39], обозначается в русскоязычной лингвистической литературе по-разному: «конфлекс» – согласно традиции Казанской лингвистической школы (см. библиографию в [Марков 1970: 7]), «циркумфлекс» – согласно И.С. Улуханову и Московской лингвистической школе [Улуханов 1996: 132].

многие изначально мотивирующие глагольные основы выходят из употребления или становятся маргинальными [Там же: 6]. Несмотря на то, что, как утверждается, формирование самостоятельных морфем происходит уже в древнерусском языке [Там же: 10], до сих пор для многих глаголов типа *орумянить* и *озеленить* сохраняется возможность двоякой словообразовательной соотнесенности: и с глагольной основой (*румянить*, *зеленить*), и с именной или адъективной основой (*румяный*, *румяна*; *зеленый*) [Там же: 12]. Этот факт наличия переходных явлений, однако, не мешает А.П. Алексеевой констатировать самостоятельность, разноморфемность и четкое противопоставление *о-* и *об-* в современном русском языке.

Масштаб таких случаев, в которых глаголы с фактитивной ('сделать каким') и инхотативной ('стать каким') семантикой мотивируются не только именной производящей основой, но и глагольной, очевидно, был недооценен. Это, вероятно, объясняется тем, что за пределами своего исследования А.П. Алексеева оставляет все глаголы², в которых приставка имеет только «чистовидовую функцию» [Там же: 12], а среди этих намеренно неучтенных глаголов наибольшая доля приходится именно на глаголы с фактитивным и инхотативным значением. Так, приставкам в глаголах типа *оглохнуть* и *обеднеть* отказано в наличии значения, поскольку они образуют видовые корреляты, или естественные перфективы (по терминологии [Janda 2007]), от основ *глохнуть* и *беднеть*. То, что отсутствие значения у приставки в таких случаях является иллюзией, было убедительно доказано на обширном материале русских приставок в работах [Янда 2012; Endresen et al. 2012; Janda et al. 2013], а применительно к «чистовидовому» использованию *о-* и *об-* это обсуждалось уже в статье [Roberts 1976: 65, 66]; подробное доказательство см. в [Baydimirova 2010: 56–58]. Получается, что выводы диахронического исследования [Алексеева 1978] основаны на существенно суженном объеме материала. Несомненно ценное наблюдение о частичном противопоставлении *о-* и *об-* абсолютизировано, акцент делается на их контрасте, тогда как анализ переходных и менее понятных случаев сведен к минимуму.

Независимо и совсем в других терминах гипотеза о морфологическом расщеплении была выдвинута американской исследовательницей Эдной Эндрус [Andrews 1984]. Эндрус провела детальный анализ шестидесяти минимальных пар приставочных глаголов типа *оделить* – *обделить*, *осудить* – *обсудить* и др. Акцент на контрастных употреблениях *о-* и *об-*, вероятно, объясняется в данном случае структуралистским представлением о языке как о системе противопоставлений. Результатом анализа отобранного материала стал вывод о том, что *о-* и *об-* представляют собой разные морфемы с разными инвариантными значениями. Исключительно тонко подмеченные Эндрус индивидуальные семантические различия между близкими синонимами суммированы в очень абстрактную формулировку двух инвариантов. Согласно Эндрус, обе морфемы *О-* и *ОБ-* объединяет полное вовлечение объекта и охват его действием, обозначенным глагольной основой. При этом *ОБ-* выражает более конкретный охват действием, который не выходит за пределы ситуации, тогда как *О-* является маркированным префиксом и дополнительно выражает последствия воздействия на объект, выходящие за пределы самого действия, ср.: *обледенеть* 'покрыться льдом снаружи' vs. *оледенеть* 'стать холодным, как лед, и снаружи, и внутри' [Andrews 1984: 482]. Семантическое расщепление *о-* и *об-* на две морфемы, по наблюдениям Эндрус, имело место уже в начале XIX в., а к концу XX в. приставки еще более разошлись.

² Нельзя не отметить, что количество таких глаголов совершенного вида с приставками *о-*, *об-* и *обо-* очень велико. В современном русском языке эти приставки, взятые вместе, занимают четвертое место по количеству образуемых ими видовых коррелятов (естественных перфективов) после *по-*, *с-*, и лишь слегка уступая *за-*, имея 226 видовых пар, согласно базе данных Exploring Emptiness, созданной в университете г. Тромсё [Endresen et al. 2012: 243]; а в церковнославянском языке *о-* и *об-*, взятые вместе, образовывали больше перфективов (191), чем любая другая приставка, обходя *по-* (176), *у-* (163), *св-* (146) и др., согласно данным [Stonski 1937: 66–100]. О видовых различиях в церковнославянском см. [Eckhoff, Janda (в печати)].

Замечу здесь, что похожее утверждение о большей абстрактности и метафоричности глаголов с приставкой *о-* и, наоборот, конкретности и часто даже разговорности и просторечности параллельных вариантов с *об-* мы находим в [ГРЯ 1952: § 911] и в исследовании [Аверьянова 1974], ср.: *осыпать ласками, упрёками, подарками* vs. *обсыпать пудрой, песком*; *охватить взглядом* vs. *обхватить руками*; *обежать (*оббежать) глазами присутствующих* vs. *обежать / оббежать вокруг дома*). Однако в данных работах это не считается основанием для разведения *о-* и *об-* на две разные морфемы.

Большим вкладом в обоснование гипотезы морфологического расщепления стала подробная разработка фонологической ее части, а также систематизация накопленных идей в работе [Кронгауз 1998: 131–148]. Согласно его версии расщепления, взаимодействие семантического и фонетического критериев выбора приставки организовано следующим образом. Главным фактором является семантика: за *ОБ-* закреплено пространственное значение (*ехать – объехать*), тогда как *О-* выражает изменение объекта, наделение его или приобретение им нового признака (*жестокый – ожесточить*). Далее выбор конкретной приставки определяется уже фонетическими условиями. Согласно М.А. Кронгаузу, морфемы *О-* и *ОБ-* имеют одинаковый набор алломорфов (*о-, об-, обо-*), но разную их иерархию и разные принципы их фонологического распределения [Там же: 141–143]. Схематически систему семантического разграничения морфем и фонологического распределения их алломорфов можно представить следующим образом³.

Таблица 1

Гипотеза морфологического расщепления: морфемы *О-* и *ОБ-* и их алломорфы

Единая морфема * <i>ОБ-</i>	
Морфема 1 <i>ОБ-</i>	Морфема 2 <i>О-</i>
Значение	
Пространственное: 'движение вокруг'	Факитивное: 'изменение объекта'
Пример	
<i>ехать – объехать</i>	<i>жестокый – ожесточить</i>
Иерархия алломорфов	
<i>об-</i> >> <i>обо-</i> >> <i>о-</i>	<i>о-</i> >> <i>об-</i> >> <i>обо-</i>
Правила выбора алломорфа	
<i>/об/</i> → [об] / всегда, кроме: <i>/об/</i> → [обо] / _ СС, если *бСС <i>/об/</i> → [обо] / _ СьС, где ь → ø <i>/об/</i> → [о] / _ б, п	<i>/о/</i> → [о] / всегда, кроме: <i>/о/</i> → [об] / _ V, в, й, л, н, р, м <i>/о/</i> → [обо] / _ СС, если *бСС <i>/о/</i> → [обо] / _ СьС, где ь → ø

Выбор алломорфа зависит от начальных фонем основы, к которой присоединяется приставка. Фонетические контексты различаются по степени их проблематичности для реализации главного алломорфа морфем *О-* и *ОБ-*.

³ В таблице 1 принят ряд условных обозначений: СС соответствует сочетанию согласных, с которого начинается производящая основа, V обозначает начальный гласный производящей основы, ь обозначает беглый гласный (*обжечь – обожгу*).

Главный (не обусловленный контекстом) алломорф морфемы ОБ- – это, конечно, *об-*. Он проблематичен и заменяется на *о-*, если основа начинается с губных *б* или *п*, а также заменяется на *обо-*, если группа начальных согласных основы невозможна с предшествующим *б* (*обо-жраться*, *обо-гнуть*)⁴ или содержит чередование беглого гласного с нулем звука (*обо-драть* – *об-деру*).

Главный алломорф морфемы О- – это *о-*, он реализуется всегда, если основа начинается не с гласного (*о-жесточить*, но *об-острить*). Начальные сонанты *й*, *л*, *н*, *р*, *м* и лабиодентальный *в*, как правило, вызывают появление алломорфа *об-*, однако далеко не всегда (ср.: *оагниться*, *олицетворить*, *онеметь*, *оросить*, *омолодить*, *овеществить*). Если один из приведенных согласных является еще и частью сочетания согласных, несоместимого с предшествующим *б*, или содержит чередующийся беглый гласный, то теоретически может появиться алломорф *обо-*. Так, согласно М.А. Кронгаузу, алломорф *обо-* появляется у морфемы О- в глаголе *оболгать*, где в корне есть чередование *о* с нулем звука (*ложь* – *лгать*), кроме того, труднопроизносимое сочетание *блг*, вероятно, не соответствует русской фонотактике [Кронгауз 1998: 147].

1.2. Слабые стороны гипотезы морфологического расщепления

Несмотря на стройность выдвинутой гипотезы, нельзя не заметить ряд ее слабых сторон. Прежде всего, существует немало контрпримеров в лексиконе русского языка, в которых выбор приставки противоречит предсказаниям гипотезы: так, например, в глаголах *окольцевать*, *окружить*, *огородить* и др., несмотря на семантику кругового движения и отсутствие каких-либо проблем с начальными *к*, *кр* и *г*, используется О-, а не ожидаемая ОБ-.

Кроме того, гипотеза морфологического расщепления не предсказывает таких минимальных пар, в которых глаголы являются близкими синонимами: например, *об-клеить* – *о-клеить*, *об-стричь* – *о-стричь*, *об-строгать* – *о-строгать*, *обкопать* – *окопать* и др.

В ряде глаголов (например, *обделать*, *обмерить* ‘обмануть, отмерив меньше, чем нужно’, *обмануть*, *оползти*) пространственное значение кругового движения и фактивное значение совсем не очевидны.

В целом, богатая полисемия приставок *о-*, *об-* и *обо-* представлена достаточно упрощенно, отсутствует детальный семантический анализ исчерпывающего списка приставочных глаголов. Все многообразие выражаемых значений сведено к противопоставлению значения кругового движения и фактивного значения изменения объекта посредством сообщения ему нового признака.

И, наконец, обращают на себя внимание противоречивые утверждения следующего рода: с одной стороны, предлагается считать, что расщепление уже произошло и его результаты обозримы в современном русском языке [Кронгауз 1998: 147], с другой стороны, утверждается, что процесс расщепления до сих пор продолжается и полностью не завершен [Там же: 139], а морфемы О- и ОБ-, несмотря на их расщепление, сохраняют тесную связь [Там же: 138]. Безусловно, это позволяет объяснить наличие контрпримеров в лексиконе: в одних глаголах (в работах нет уточнений) приставка сохраняется еще со времен до произошедшего расщепления, а другие глаголы, возможно, еще не охвачены данным процессом. Однако в таком объяснении не хватает конкретности, и оно скорее ослабляет силу выдвинутой гипотезы, чем подкрепляет ее.

⁴ С объяснением данных примеров М.А. Кронгаузом, однако, трудно согласиться, поскольку сочетание *бгн* все-таки можно найти в глаголах *обгнуть* и *обгнобить*. Выбор *обо-* в *обожраться* и *обогнуть* скорее может быть связан с беглым гласным основы, проявляющимся в *обжираться* и *огибать*. Более того, объяснение появления *обо-* в словах *обокрасть* и *обознаться* невозможностью сочетаний *бкр* и *бзн* явно дискриминируется контрпримерами типа *обкрадывать* и *обзнакомить*.

К тестированию гипотезы морфологического расщепления на корпусном материале, а также посредством эксперимента я стремилась подойти максимально объективно. Поэтому был собран и проанализирован весь объем материала (исчерпывающий список глаголов, засвидетельствованных в корпусе, а также все ответы информантов), а задачей исследования было получить выводы, которые могли бы быть применимыми не для отдельной части данных, а для всей их совокупности и разнообразности.

1.3. Предсказания гипотезы морфологического расщепления

Проверка справедливости идеи о морфологическом расщеплении и разноморфемности приставок *о-* и *об-* требует непредвзятого подхода к ней как к гипотезе. Для тестирования этой идеи на правах гипотезы от нас требуется сформулировать ее положения в терминах предсказаний и ожиданий, которые было бы возможно проверить эмпирически.

Гипотеза о морфологическом расщеплении имеет диахроническую и синхроническую части. Нас интересует последняя, а именно, можно ли говорить о разноморфемности приставок *о-* и *об-* в современном русском языке.

Заявленное семантико-морфологическое противопоставление (пространственная vs. фактитивно-инхоативная семантика, глагольное vs. именное словообразование) приставок *о-* и *об-*, согласно гипотезе морфологического расщепления, составляет центральный механизм, определяющий их распределение в приставочных глаголах современного русского языка. Предполагается, что «пережиточные» явления, выступающие как наследие предшествующих этапов развития языка и не укладывающиеся в ожидаемое противопоставление морфем, должны составлять гораздо меньшую и незначительную часть материала. Кроме того, предполагается, что значение кругового движения и фактитивно-инхоативное значение не связаны друг с другом. По названной причине эти два значения признаны настолько разными, что они не могут быть описаны в рамках полисемии одной морфемы, и, соответственно, могут составлять семантику исключительно разных морфем.

На основе предложенного М.А. Кронгаузом распределения алломорфов двух морфем мы можем выделить три типа фонетических контекстов:

1. Если основа глагола начинается с **гласного**, возможна только приставка *об-*, то есть действие семантического фактора оказывается скрыто;
2. Если основа глагола начинается с **шумного** согласного (за исключением *н*, *б* и лабиодентального *в*), возможны и *о-*, и *об-*, тогда выбор приставки определяется желаемой семантикой;
3. Начальные **сонанты** и **согласные *в*, *н*, *б*** допускают вариацию, фонетический и семантический факторы в данном случае конкурируют, а выбор приставки определяется фактором-победителем.

Получается, что наиболее показательные для проявления механизма семантического разграничения фонетические контексты обозначены под номером (2). Именно они будут ключевыми при составлении и проведении эксперимента.

Следует отметить, что алломорф *обо-* в работах по гипотезе о морфологическом расщеплении, как правило, осмысляется как принадлежащий морфеме ОБ⁵. Это учтено при тестировании гипотезы.

В следующем разделе я перехожу к описанию проверки гипотезы на лексическом фонде современного русского языка, тогда как раздел 3 описывает экспериментальное тестирование гипотезы на активных механизмах выбора приставки при образовании новых слов носителями русского языка.

---

⁵ За исключением М.А. Кронгауза, см. выше об *обо-* как о возможном алломорфе морфемы О- [Кронгауз 1998: 147], с чем справедливо спорит И.Б. Иткин [Иткин 2007: 85].

2. КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ⁶

2.1. Цель и новизна

Целью исследования лексического материала было протестировать гипотезу морфологического расщепления на максимально обширных данных. В чем была необходимость проводить очередной лексический анализ приставочных глаголов с *о-*, *об-* и *обо-* после работы, проделанной в [Roberts1976; Кронгауз 1998; Кошелев 2004б]?

Во-первых, до сих пор объем рассмотренного материала был ограничен данными, представленными в толковых словарях. Здесь же представлен первый анализ данных [НКРЯ].

Во-вторых, для сопоставления приставок *о-*, *об-* и *обо-* необходима достаточно дробная классификация подзначений приставок, а также анализ их взаимосвязей с точки зрения их возможной принадлежности к единой системе полисемии. Можно ли установить связь между пространственным и фактитивным значениями или их ничего не связывает? Возможны ли оба значения для обеих приставок *о-* и *об-*? Каким образом распределяются и взаимодействуют остальные значения этих приставок?

Обратившись к вопросу о взаимосвязи различных значений, можно обнаружить, что применительно к приставкам *о-* и *об-* он не решен. К. Робертс предлагает детальную систему подзначений трех приставок, однако некоторые выделяемые им значения соответствуют скорее общей семантике глагольных лексем, чем значению самой приставки (ср. значение приставки V^{13} 'fear, caution' в глаголах *опасаться*, *остерегаться*; значение V^{10} 'Birth of animals' в глаголе *опороситься* [Roberts 1976: 69]). Анализ глаголов, проведенный К. Робертсом, показывает, что каждое из выделяемых им дробных подзначений может выражаться всеми тремя приставками. При этом связь «пространственных», «модальных» и «аффективных» подгрупп не объясняется, хотя это могло бы стать центральным аргументом в пользу полисемии и одномерности. А.Д. Кошелев [Кошелев 2004б] выделяет три абстрактных концептуальных значения, каждое из которых может быть выражено каждой из трех приставок, однако вопрос об их взаимосвязи, к сожалению, не ставится. М.А. Кронгауз [Кронгауз 1998] основывается на семантическом анализе, приведенном в ряде словарей и академических грамматик, где значения даются в виде списка и вопрос об их взаимосвязи опять же не поднимается.

Поиск и мотивация возможных связей между значениями приставок *о-* и *об-* отличают мой анализ приставочных глаголов от предшествующих. Предлагаемая в настоящей статье модель семантики этих приставок построена с помощью понятийного и терминологического аппарата когнитивной лингвистики. Такой подход позволяет по-новому взглянуть на проблему. Вместо сведения богатой полисемии к абстрактным инвариантам и списковому перечислению значений, когнитивный подход к полисемии позволяет представить ее в виде радиальной сети взаимосвязанных и взаимомотивированных значений, организованных иерархически вокруг центрального прототипического значения, основанного на человеческом опыте пространственных отношений и моторики человеческого тела (подробнее об этом см. [Кронгауз 1998: 74–79; Рахилина 1998: 297–299; Янда 2012: 15]). Прототипическое значение мотивирует большинство остальных значений посредством когнитивных механизмов метафоры и метонимии. Описание семантики русских приставок в рамках когнитивного подхода позволяет не только установить когнитивную взаимосвязь различных значений в рамках единой модели полисемии, но и сравнить лингвистические единицы, описываемые в рамках единой радиальной семантической сети. Для этого я применяю метод профилирования радиальной категории, впервые предложенный в исследовании русских приставок *вы-* и *из-* [Nesset et al. 2011]; см. также [Янда 2012].

⁶ Полное описание проведенного исследования и его результатов [Baydimirova 2010: 40–61] можно найти на английском языке на сервере университета Тромсё <http://www.ub.uit.no/munin/handle/10037/2767> и на сервере Национального корпуса русского языка http://studiorum.ruscorpora.ru/index.php?option=com_docman&Itemid=106.

Здесь же эта методика используется для тестирования семантических пересечений и расхождений приставок *о-*, *об-* и *обо-* с учетом пятнадцати выделяемых подзначений каждой из трех приставок.

Хочется отметить, что положения когнитивной лингвистики в целом во многом близки⁷ традициям Московской семантической школы, представленным в [Апресян 1995; 2005; 2009]. Прежде всего я имею в виду признание главенства семантики, учет широкого, по возможности максимального, языкового материала, а также идею системности семантических связей языковых единиц в словаре. Общим является для обоих направлений и интерес к полисемии, и идея иерархической организации подзначений. При этом различаются метаязыки описания. Тем не менее, учитывая сходство направлений, можно предположить, что анализ корпусного материала, проведенный в русле московской семантической школы, мог бы дать похожие результаты, однако проверка этого тезиса выходит за рамки настоящей статьи.

2.2. Сбор данных

Мною был проведен анализ всех глаголов совершенного вида с приставками *о-*, *об-* и *обо-*, зафиксированных в [НКРЯ] и Грамматическом словаре А.А. Зализняка в соответствии с их значениями, отмеченными в пяти толковых словарях [Ушаков; МАС; Ефремова 2000; Кузнецов 2000; Ожегов, Шведова 2001]. Глаголы были собраны на основе базы данных частотного словаря [Ляшевская, Шаров 2010], созданного на материале современного подкорпуса НКРЯ, то есть текстов с 1950 по 2007 г. (объем выборки словаря составляет 92 млн словоупотреблений).

Были проведены следующие процедуры. Во-первых, чтобы избежать дублирования данных, рефлексивы, в которых постфикс *-ся* не меняет лексического значения глагола, а только делает глагол непереходным, были соединены в одну лемму с соответствующим глаголом без *-ся*⁸ (например, *обеспокоить* и *обеспокоиться* были представлены как одна лексема *обеспокоить(ся)*). В остальных случаях рефлексивы представлены как отдельные лексемы (например, *оговориться*).

Глаголы типа *обезумить* включены в базу данных как содержащие префикс *о-* в соответствии с [Townsend 1968: 143], а не префикс *обез-*, как предложено в [Пацюкова 2009].

Количество лемм, которые глагол представляет в базе данных, соответствует не количеству его словарных значений, а количеству значений, выделяемых в рамках моей модели полисемии приставок *о-*, *об-* и *обо-*.

Изначально база данных включала 924 глагола, в окончательном виде она составила 1037 глаголов и доступна в формате Excel на сайте <http://ansatte.uit.no/laura.janda/AEOB/AEOB.html>.

2.3. Когнитивная модель полисемии: Радиальная сеть значений и их взаимосвязи

В результате работы с корпусными данными была составлена семантическая радиальная сеть, включающая пятнадцать взаимосвязанных словообразовательных подзначений, организованных вокруг пространственного прототипа. Оказалось, что семантику всех трех приставок можно описать в рамках единой семантической модели.

Как показал анализ лексического материала, каждое из выделенных значений может быть выражено любой из трех рассмотренных приставок (см. Рисунок 1)⁹. Представ-

⁷ На сходство данных направлений неоднократно указывалось в литературе, см. [Рахилина 1998: 278; Янда 2000: 15; Janda 2010: 4].

⁸ В этом мой анализ отличается от анализа [Кронгауз 1998], где все рефлексивы рассматриваются как отдельные лексемы.

⁹ Полученный результат также поддерживается и исследованием [Roberts 1976; 1981], где было показано, что ни одно из значений, выделенных у приставок *о-*, *об-* и *обо-*, не специализировано ни для одной из них.

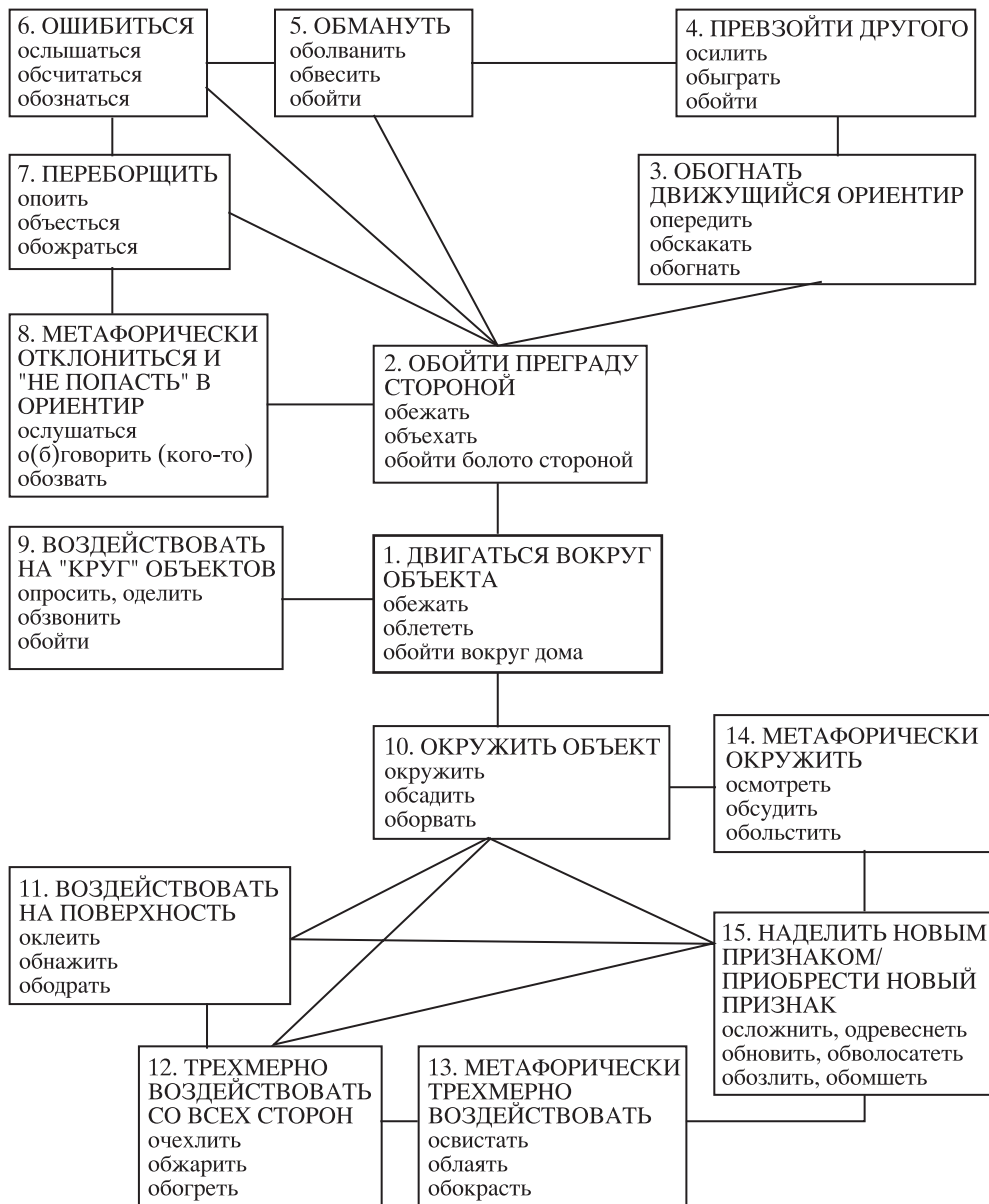

Рис. 1. Радиальная сеть значений приставок *о-*, *об-* и *обо-*

ленная модель полисемии описывает значения именно приставок, а не образованных при их помощи глаголов. Значения приставок были выявлены на основе сопоставления значения приставочного глагола и значения его производящей основы (например, *облететь* < *лететь* + *об-* в значении Двигаться вокруг объекта; *обзвонить* < *звонить* + *об-* в значении Воздействовать на «круг» объектов).

Значения разграничиваются в соответствии с теоретическими положениями когнитивной лингвистики [Taylor 1995: 65–141]. Одни значения предстают как базовые, другие являются производными от них при помощи когнитивных механизмов – метафоры и метонимии. Метонимия обычно отвечает за фокусировку на части исходной

ментальной схемы¹⁰ (image schema), то есть за редукцию ментальной схемы, а метафора переносит исходную ментальную схему из области пространственных отношений в более абстрактные области времени, человеческих отношений, эмоций, качеств и т. п.

Важно отметить, что предлагаемая на рисунке 1 радиальная сеть значений объединяет и пространственные, и фактивные значения в единую модель полисемии и показывает, как они взаимосвязаны.

В центре радиальной сети находится прототипическое значение приставок *о-*, *об-* и *обо-* 1 Двигаться вокруг объекта, которое хорошо представлено в глаголах движения *облететь*, *о(б)бежать*, *обойти* (*вокруг дома*) и др., образованных от глаголов однонаправленного движения *лететь*, *бежать*, *идти*. Это значение соответствует ментальной схеме 1 (см. Рисунок 2), в рамках которой движущийся объект (Trajector) совершает движение вокруг неподвижного ориентира (Landmark), и описанная траектория представляет собой полный круг.

Все остальные значения приставок *о-*, *об-* и *обо-* прямо или опосредованно связаны с прототипическим пространственным значением Двигаться вокруг объекта и на нем основаны. Сначала я приведу краткий обзор приставочных значений, который показывает, как организована радиальная сеть, а потом рассмотрим каждое значение подробно.

Радиальная сеть значений разбивается на две части (графическое изображение в данном случае условно) – верхнюю (значения 2–8) и нижнюю (значения 10–15). Они по-разному интерпретируют пространственный прототип кругового движения. Значение 9 не примыкает ни к верхней, ни к нижней части и подразумевает сложный множественный ориентир (см. ниже).

Значения 2–8 акцентируются на дистанции с ориентиром и дистанцировании от него, ср.: огибание стороны пространственной преграды (*обойти болото стороной*), оставление ориентира-преграды в стороне от траектории субъекта, опережение соперника (*опередить*, *обогреть*), а также значение допущенной ошибки, случайной (*оговориться*) или нарочной (*обсчитать* ‘неодать сдачи’), как метафорическое непопадание в цель, то же самое оставление ориентира в стороне от проходимого субъектом пути.

Значения 10–15 идут по другому пути и развивают полученную от прототипа идею тесного контакта с ориентиром-объектом и воздействия на него, ср.: воздействие на поверхность (*оклеить*, *ободрать*), окружение (*обсадить*, *окружить*) и охват объекта в пространстве (*обжарить*, *очехлить*, *обовишеветь*), метафорическое окружение (*обсудить*, *описать*, *обольстить*) и охват объекта действием (*облаять*, *освистать*, *обокрасть*) и, далее, новым свойством, качеством, предметным и конкретным (*округлить*, *обратить*, *облицевать*, *обледенить*, *обнажить*) или абстрактным (*опечалить*, *обвинить*).

Рассмотрим подробнее, как значения приставок вытекают одно из другого.

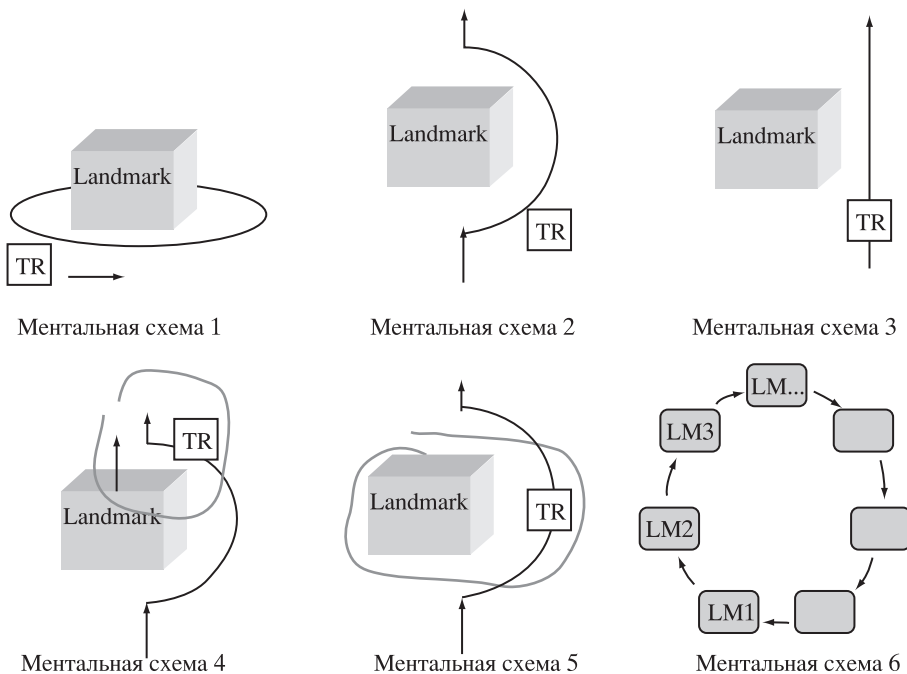
Значение 2 Обойти преграду стороной происходит из прототипического значения Двигаться вокруг объекта посредством метонимического переноса, потому что траектория полного круга в данном случае редуцируется до его части, полукруга (ментальная схема 2), или, более того, ее округлость вообще нейтрализуется (ментальная схема 3) и остается главный смысл – пространственное несовпадение с преградой-ориентиром, оставление его за пределами траектории движения, непопадание в точку ориентира. Это значение обнаруживается во многих тех же глаголах движения, что и прототип, но в специальном контексте: *обехать* (*болото*, *опасное место стороной*), *облететь*, *обнести* ‘пронести мимо кого-то, обходя гостей’, а также в глаголах *обогнуть*, *обтечь* независимо от контекста. Редукция исходной траектории полного круга мотивирует все остальные значения в верхней части радиальной сети.

Значение 3 Обогнуть движущийся ориентир основывается на значении Обойти преграду стороной с той разницей, что теперь ориентир тоже движется, как и сам субъект действия: *обогнать*, *обскакать*, *опередить*, *обойти*:

(1) – Помни, что он рождён от кости той знаменитой Исэк-Кырган, которую не могла **обойти** на скачках ни одна лошадь в степи [Д.Н. Мамин-Сибиряк. Ак-Бозат (1895)]¹¹.

¹⁰ Возможен также термин «топологическая схема», см. [Рахилина 1998: 307].

¹¹ Все примеры в статье приводятся в соответствии с НКРЯ.

Рис. 2. Ментальные схемы, реализующиеся в значениях приставок *о-*, *об-* и *обо-*

В значении **Обогнать движущийся ориентир** фокус внимания находится только на части траектории (в данном случае это специфическая интерпретация той же ментальной схемы 2, или *construal* [Langacker 2008]), а именно на опережении, как показано в ментальной схеме 4 на рисунке 2.

Значение 4 **Превзойти другого** является метафорическим переносом пространственного значения **Обогнать движущийся ориентир** в область разных видов деятельности, в которых присутствует соперничество людей: *обыграть* ‘победить кого-то в игре’, *обцеловать*, *обловить*, *обороть* (ср.: *необоримое желание*), *осилить*.

Ментальная схема 5 (рисунок 2), фокусирующаяся на моменте отклонения от ориентира, непопадания и несовпадения с ориентиром, мотивирует сразу несколько значений (5–8):

Значение 5 **Обмануть** как «ошибка», сделанная нарочно, для своей выгоды (*обсчитать кого-то*, *обделить*, *обхитрить*, *обвесить*, *обмерить* ‘отмерить намеренно неверно’, *объегорить*, *о(б)лапошить*, *обмануть*, *обдурить*);

Значение 6 **Ошибиться** как случайно сделанный просчет (*ослышаться*, *обсчитаться*, *оговориться*, *обознаться*, *опечататься*, *описаться*, *осечься*, *ошибиться*, *опростодилиться*);

Значение 7 **Переборщить** как «ошибка», сделанная в ущерб себе по причине пропуска нужного правильного предела действия (*объесться*, *обожраться*, *облопаться*, *обтрескаться*, *о(б)лупить*, *обкуриться*, *обхохотаться*, *оборжаться*, *обчитаться* ‘переборщить в чтении’, *обреветься*, *обиептаться*, *обмечтаться*, *обвороваться*, *обыскаться*, *облениваться*, *обузить* ‘слишком заузить’, *обкорнать* ‘слишком много обрезать’);

Значение 8 **Метафорически отклониться и «не попасть» в ориентир** (*обозвать* ‘дать другое имя, использовать кличку вместо имени, «непопадание» в правильное имя’, *оговорить кого-то* ‘оклеветать’, *оболгать кого-то*, *оклеветать*, *ослушаться*).

Значение 9 **Воздействовать на «круг» объектов** основано на ментальной схеме 6. Оно непосредственно связано с прототипическим значением 1 **Двигаться вокруг объекта**, как

показано на рисунке 1, очень продуктивно и хорошо описано в литературе как, например, «тотальное действие» [Кошелев 2004б: 68]. Приставка привносит это значение глаголам движения как однонаправленным (*обойти, облететь, обнести всех*), так и ненаправленным (*оббежать, облазить, объездить*), а также глаголам, описывающим различные виды деятельности (*опросить, обстирать, обитопать, обзвонить, обзанимать*). Объекты-ориентиры, охватываемые действием, все представляются как имеющие одинаковый статус и образуют некий «круг», по которому, как по траектории, движется субъект, охватывая их своим действием.

Все остальные значения представляют ментальную схему 1 и мотивируются прототипическим круговым движением, однако через посредство значения 10 Окружить объект, которое вводит идею тесного контакта с объектом-ориентиром и воздействия на его свойства.

Значение 10 Окружить объект – это пространственное значение. Оно фокусируется на внешних пространственных краях объекта, к которым может нечто присоединяться (*обсадить дом цветами, обвязать, о(б)городить, обмуровать, обстроить, обложить, обставить, обвить, обшить, обмотать*) или, наоборот, отсоединяться (*обкусать, обглодать кусок, о(б)копать, обрывать, объесть по краям, обкрошить, обломать края*), в зависимости от лексического значения мотивирующего глагола. Интересно, что для некоторых глаголов возможны оба направления воздействия: ср.: *огрести* ‘сгрести вокруг или с чего-нибудь, подбирая и выравнивая’ [Ожегов, Шведова 2001].

Важно заметить, что в глаголах с двойной глагольно-именной мотивированностью *опясать, окружить, ограничить, обнайтовить, обмежевать, о(б)чертить, обуздать, окольцевать, окантовать* приставка одновременно имеет и значение пространственного окружения объекта, и в то же время факитивное значение ‘наделить новым свойством’. В некоторых глаголах, несмотря на отсутствие глагольной мотивирующей основы, пространственное значение окружения в приставке все равно налицо: *окаймить, обрамить, оцепить, окутить*.

Если при значении приставки 10 Окружить объект в сфере воздействия оказываются внешние края и границы объекта-ориентира, то в значении 11 Воздействовать на поверхность воздействие захватывает всю поверхность объекта, а в значении 12 Трехмерно воздействовать со всех сторон воздействие происходит со всех сторон, в трехмерном масштабе всего объема объекта. Часто в одном и том же глаголе приставка может выражать и значение 11, и значение 12 в зависимости от ситуации (например, *обрызгать* и *острогать* можно только поверхность объекта, а можно и объект со всех сторон). Однако, несмотря на это, можно разграничить Воздействовать на поверхность в глаголах типа *оклеить, отереть, обрить, ошкурить, ошлифовать, отесать, оплевать, ободрать, обтоптать, обшелушить, озеркалить, окрасить, обить (чем-то), огравировать, оцарапать, окропить святой водой, опалить, ошпарить* и Трехмерно воздействовать со всех сторон в глаголах типа *обжарить, обжевать, обклевать, облипнуть, обсосать, облить, обрасти, обмерить, обобрать, обстрелять, о(б)щипать, обхлестать, оцарапать, обклеить, обцеловать, обвешать, облизать, обварить, обвалать, обвертеть, обволочь, обвялить, обгрызть, обкусать, облепить, обмусолить, опутать, обнюхать, обогреть, окутать, общипать*.

Замечу, что есть много приставочных глаголов, мотивированных не глаголом, а именем, в которых приставка точно так же выражает пространственное значение Воздействовать на поверхность (*опалубить, обдернить, оперить(ся), обомшеть, облучить, опаутинить, обнажить, обветрить, о(б)салить(ся), окорить*) и значение Трехмерно воздействовать со всех сторон (*обмундировать, обмохнатеть*). И есть переходные случаи с двойной мотивированностью и, соответственно, двойным пространственно-факитивным значением приставки. Двойное пространственно-факитивное значение приставки в данном случае возникает в результате двойной соотнесенности приставочного глагола и с глагольной мотивирующей основой, и с именной. Так, например, приставка *о-* в глаголе *огрязнить* имеет и пространственное значение Воздействовать на поверхность (при соотнесенности с глаголом *грязнить*), и факитивное значение Наделить

новым признаком (при соотнесенности с прилагательным *грязный*). Двойное пространственно-фактитивное значение приставки имеют в глаголах *обгазить*, *обгладить*, *опенить* 'покрыть пеной', *оснежить*, *обмаслить*, *обелить*, *огрязнить*, *обзеленить*, *опушить*, *одряблеть*, *осеребрить*, *обволосатеть*, *обгнуть*, *огравировать*, *оштукатурить*, *облицевать*, *облысеть*, *о(б)смолить*, *оплешиветь*, *опрыцать*, *оцетинить(ся)*, где имеет место значение приставки Воздействовать на поверхность, а также в глаголах *облапать*, *огранить*, *округлить*, *отуманить*, *оцинковать*, где можно говорить о значении приставки Трехмерно воздействовать со всех сторон.

Значение 13 Метафорически трехмерно воздействовать выражается приставкой в глаголах *обласкать*, *обругать*, *обучить*, *ограбить*, *обворовать*, *облаять*, *обматерить*, *обхать*, *обхамить*, *облетать (самолет)*, *обкурить (трубку)* и др. Эти глаголы показывают, что многие непространственные действия концептуализируются подобно пространственным глаголам со значением приставки Трехмерно воздействовать со всех сторон. Воздействие на объект происходит как будто со всех сторон и охватывает объект целиком, при этом возникает особый экспрессивный эффект интенсивности действия: *облаять* означает не просто 'полаять на кого-то', а '«упаковать» кого-то в потоке лая', а *обворовать* подразумевает, что украдены все или многие ценности, а не одна или две. В примере (2) хорошо видно совмещение пространственного и метафорического воздействия:

(2) *Словом, в детстве я был и облеплен, и облизан, и всякое благо в меня вливалось* [В. Астафьев. Зрячий посох (1978–1982)].

Значение 14 Метафорически окружить связано со значением 10 Окружить объект посредством метафорического переноса из области пространственных отношений в область человеческих действий, воздействие которых на объект-ориентир концептуализировано как пространственное. Значение Метафорически окружить выражается приставкой в глаголах *обдумать*, *обрисовать*, *обговорить*, *обольстить*, *обсудить*, *описать*, *обыграть что-то* 'использовать с определенной целью в ситуации', *обжить (новую квартиру)*, *о(б)смотреть*.

Глаголы с двойной мотивированностью находятся и здесь: *очаровать*, *одурманить*, *обмыслить*, *обмозговать*. Эти глаголы имеют одновременно и глагольную мотивирующую основу (*очаровать* < *чаровать*, *обмыслить* < *мыслить*), и именную мотивирующую основу (*очаровать* < *чары*, *обмыслить* < *мысль*) и, таким образом, служат связующим звеном между значением Метафорически окружить и значением Наделить новым признаком.

Значение 15 Наделить новым признаком / Приобрести новый признак выражается приставкой во многих уже приведенных глаголах с двойной глагольно-именной мотивированностью, а также во многих других, имеющих только именную производящую основу. Можно выделить следующие структурно-семантические подтипы:

1) Сделать каким (отадъективные фактитивные глаголы типа *оголить*, *обновить*, *облегчить*),

2) Сделаться каким (отадъективные инхоативные глаголы типа *оглупеть*),

3) Дать что (отыменные фактитивные глаголы типа *обвинить*, *оценить*, *окрылить*, *опоясать*),

4) Приобрести что (отыменные инхоативные глаголы типа *обомшеть*, *опаматовать*).

Важно заметить, что, с одной стороны, глаголы с фактитивно-инхоативным значением приставки включают лексемы с конкретным пространственным значением (*опоясать*, *оголить*, *обомшеть*), которые явно соотносятся с описанными выше пространственными значениями Окружить объект, Воздействовать на поверхность и Трехмерно воздействовать со всех сторон, а с другой стороны, фактитивно-инхоативные глаголы включают лексемы, описывающие физическое и психическое состояние человека (*опьянить*, *оглупеть*, *огорчить*, *опечалить*, *окаменеть*) и, таким образом, непосред-

ственно связаны со значениями **МЕТАФОРИЧЕСКИ ОКРУЖИТЬ** и **МЕТАФОРИЧЕСКИ ТРЕХМЕРНО ВОЗДЕЙСТВОВАТЬ**¹². Иными словами, фактитивно-инхоативное значение **Наделить новым признаком / Приобрести новый признак** оказывается закономерным и тесно связанным с пространственными и метафорическими значениями приставок в рамках предложенной модели полисемии.

2.4. Радиальные профили приставок *o-*, *ob-* и *obo-*

Как показано на рисунке 1, семантика всех трех приставок описана в пределах единой модели полисемии, где все значения, в том числе пространственные и непространственные, взаимосвязаны, вытекают одно из другого и мотивируются одним пространственным прототипом. Однако при этом в рамках предложенной радиальной сети значений приставки активны неодинаково и имеют различные профили, то есть различные «центры тяжести» определенных участков семантической сети.

Так, например, как видно из таблицы 2, значение 1 **Двигаться вокруг объекта** выражается приставкой *ob-* чаще (найдено 13 глаголов), чем приставкой *o-* (найдено 4 глагола). Приставка *ob-* обнаруживает бóльшую активность (частотность), чем *o-*, и в ряде других значений, представленных в таблице 2. Те значения, в которых *ob-* доминирует, являются «центром тяжести» этой приставки в радиальной сети значений. Этот «центр тяжести» приставки я называю ее **радиальным профилем**, или **профилем радиальной категории**, согласно [Neset et al. 2011]. Так, разделяя общую радиальную сеть значений, приставки *o-* и *ob-* имеют разные профили этой сети, то есть имеют разную продуктивность при выражении общих для них значений.

Радиальные профили приставок состоят из участков их наибольшей активности, которые выявляются при сопоставлении количества глаголов, содержащих приставку *o-* или *ob-* с тем или иным значением. Таблица 2 суммирует распределение всех глаголов по трем приставкам и их значениям.

Наибольший интерес представляют количественные данные, составляющие радиальные профили приставок *o-* и *ob-*. Оставляя в стороне употребление *obo-*, диаграмма 1 визуализирует распределение приставок *o-* и *ob-* по выражаемым ими значениям. Слева от диаграммы приведен список приставочных значений. Сама диаграмма показывает процентное соотношение количества существующих глаголов с приставками *o-* (выделено на графике светло-серым цветом) и *ob-* (выделено темно-серым цветом) для каждого значения или группы значений (см. об этом ниже). Процентное соотношение *o-* и *ob-* визуализировано и может быть уточнено в соответствии со шкалой процентов, которая находится под диаграммой. Числа, представленные на диаграмме 1, соответствуют количеству найденных глаголов с приставками *o-* и *ob-* в тех значениях, которые приведены в таблице 2.

Большинство значений приставок представлены на диаграмме 1 по отдельности. Некоторые близкие значения сгруппированы. Это сделано потому, что, взятые по отдельности, они представлены в слишком малом числе приставочных глаголов, недостаточном для проведения статистического анализа. Группировка пространственных значений **Двигаться вокруг объекта**, **Обойти преграду стороной** и **Воздействовать на «круг» объектов** мотивирована не только близостью этих значений, но и доминантной ролью приставки *ob-* для каждого из них. Таким образом, количественное противопоставление *o-* и *ob-* в данном случае не нарушается. Значения **Трехмерно воздействовать** и **Метафорически трехмерно воздействовать** сгруппированы по тому же принципу – на основе их семантической близости и количественного преобладания приставки *ob-* в обоих значениях.

---

¹² Связь метафорических значений приставки *o(b)-* в глаголах чувств и эмоций с пространственным значением окружения обсуждается на материале словенского языка в работе [Będkowska-Korczyk 2012: 26, 33] на примере глаголов *občutiti* ‘почувствовать’, *ogorčiti* ‘огорчить’, *ostrasiti* ‘испугать’, *odreveneti* ‘одеревенеть’, *okamneti* ‘окаменеть’ и др.

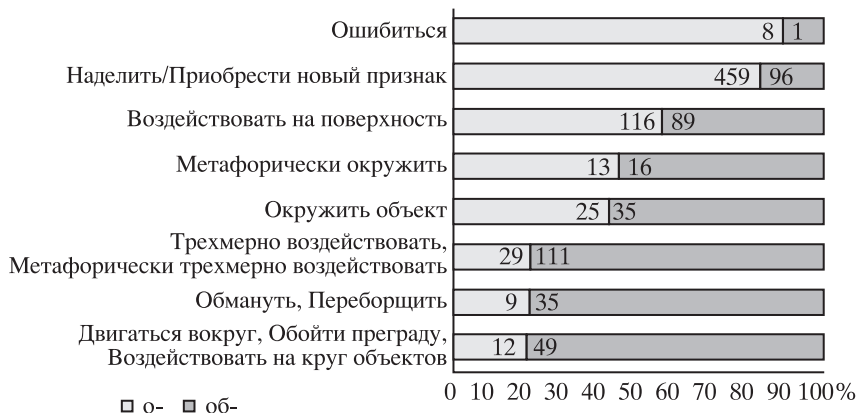
Распределение приставочных глаголов по трем приставкам и их значениям

№	Значение приставки		<i>о-</i>	<i>об-</i>	<i>обо-</i>
1	Двигаться вокруг объекта		4	13	1
2	Обойти преграду стороной		2	6	1
3	Обогнуть движущийся ориентир		1	1	2
4	Превзойти другого		3	4	1
5	Обмануть		4	12	1
6	Ошибиться		8	1	1
7	Переборщить		5	23	2
8	Метафорически отклониться и «не попасть»		4	2	3
9	Воздействовать на «круг» объектов		6	30	1
10	Окружить объект		25	35	2
11	Воздействовать на поверхность		116	89	3
12	Трехмерно воздействовать со всех сторон		24	79	4
13	Метафорически трехмерно воздействовать		5	32	3
14	Метафорически окружить		13	16	2
15	Наделить / приобрести новый признак	Сделать каким	180	35	1
		Сделаться каким	151	23	1
		Дать что	103	33	1
		Приобрести что	25	5	1

Количественное распределение глаголов с приставками *о-* и *об-* по приставочным значениям отражает определенную связь между формой приставки и ее профилем радиальной категории, то есть набором тех значений, которые она, согласно лексическим данным, «стремится» выражать. Как показал статистический анализ, эта связь является статистически высоко значимой¹³. Рассмотрим подробнее радиальные профили приставок *о-* и *об-*.

Мы видим, что в выражении значения 15 Наделить новым признаком / приобрести новый признак, а также значения 6 Ошибиться значительно преобладает приставка *о-*, а в выражении пространственных значений 1 Двигаться вокруг объекта, 2 Обойти преграду стороной, 9 Воздействовать на «круг» объектов, 12 Трехмерно воздействовать со всех сторон, а также переносных значений 14 Метафорически трехмерно воздействовать, 5 Обмануть и 7 Переборщить превалирует приставка *об-*.

¹³ О высокой статистической значимости говорят результаты теста Пирсона, который показал, что хи-квадрат = 296.3615, количество степеней свободы (df) = 7, пи-величина < 2.2e-16. Далее, коэффициент Крамера позволил определить силу связи между исследуемыми переменными (переменная 1 – приставка *о-* vs. *об-*; переменная 2 – профильный для приставки набор значений): коэффициент Крамера может принимать значения от 0 до 1, от полного отсутствия связи до максимально сильной связи. В данном случае коэффициент Крамера равен 0.5, что оценивается как сильная связь исследуемых переменных (ср. общую шкалу 0.1 – слабая связь, 0.3 – средняя, 0.5 – сильная [King, Minium 2008]).

Диаграмма 1. Частотность выражения различных значений приставками *о-* и *об-*

При этом видно, что в выражении пространственных значений 10 Окружить объект и 11 Воздействовать на поверхность, а также переносного значения 14 Метафорически окружить две приставки имеют близкую друг к другу частотность. Кроме того, обе приставки задействованы в выражении всех пятнадцати значений, что подтверждает их тесную связь. Диаграмма 1 показывает, что распределение приставок в пределах их общей полисемии представляет собой скорее континуум, чем строгое противопоставление.

Нужно отметить, что семантическая специализация приставок также имеет градуальную природу. Так, например, в таких минимальных парах глаголов, как *обсудить* – *осудить*, *обжить* – *ожить* семантические различия двух вариантов достаточно сильны: *об-* реализует значение 14 Метафорически окружить (ср. также: *обдумать*, *обрисовать*, *описать*, *обделать*, *околдовать*, *обворожить*), а *о-* выражает факitivное значение 15 Наделить новым признаком, более абстрактное и дальше отстоящее от пространственного прототипа кругового движения. При этом оба значения связаны и входят в единую сеть полисемии. Оба значения одновременно выражаются приставками в таких глаголах, как *одурманить* и *очаровать*. В глаголах *обогреть* – *огреть*, на первый взгляд таких разных, мы видим значение 12 Трехмерно воздействовать со всех сторон у приставки *обо-* и близкое ему значение 11 Воздействовать на поверхность у приставки *о-*. Однако, если в парах *обсудить* – *осудить*, *обжить* – *ожить*, *обогреть* – *огреть* разные семантические оттенки приставок приводят к существенным различиям значений глаголов, то в таких парах, как *обледенить* – *оледенить* расставляемые приставками акценты приводят уже к меньшему семантическому различию производных глаголов, а в парах типа *обсыпать (сахаром)* – *осыпать (золотом)* разница сдвинута уже в план стилистики и сочетаемости. Наконец, различие между *об-стричь* и *о-стричь*, *оббежать* и *о-бежать* уже едва ощутимо, а приставки легко взаимозаменяемы. Так, мы видим, что степени различия приставок *о-* и *об-*, присоединяемых к одним и тем же основам, бывают разными и образуют шкалу, полюсами которой являются четкое противопоставление вариантов с одного конца и полная идентичность значения с другого конца.

Развитие семантических различий у сосуществующих вариантов морфемы является абсолютно естественным, поскольку различия в плане выражения приводят к различиям в плане содержания. Поэтому вопрос о семантических различиях *о-* и *об-* решается очень просто, ведь все они укладываются в единую сеть подзначений, которые хоть и различаются, но пересекаются, вытекают одно из другого и тесно связаны друг с другом.

2.5. Статистический анализ

При профилировании радиальной сети значений для приставок *о-* и *об-* был рассмотрен только семантический фактор. Чтобы учесть взаимодействие фонологии и семантики и их возможную корреляцию с распределением приставок по глаголам, был дополнительно проведен статистический анализ¹⁴.

В качестве статистической модели для анализа послужила порядковая линейная регрессия. В качестве факторов были учтены мотивирующая основа, частотность глагола в НКРЯ, наличие одиночного начального согласного или сочетания согласных в производящей основе, место и способ образования начального согласного основы, а также место ударения в приставочном глаголе (на основе или на тематическом гласном).

Анализ показал, что статистически значимо с выбором приставки коррелирует в корпусных данных только способ образования начального согласного основы¹⁵, особенно наличие сонанта, и тип мотивирующей основы (глагольная, именная, адъективная основы)¹⁶, особенно наличие глагольной мотивирующей основы. Так, глагольная мотивирующая основа и наличие сонорного согласного в ее начале, как правило, являются залогом наличия приставки *об-*. Остальные протестированные переменные не обнаружили статистически значимой корреляции с выбором приставки. Таким образом, результат статистического анализа корпусных данных в целом соответствует ожиданиям гипотезы морфологического расщепления. Имеет смысл рассмотреть задействованные словообразовательные модели и типы производящих основ более пристально.

2.6. Словообразовательная модель и переходные случаи

Согласно гипотезе морфологического расщепления, морфемы *О-* и *ОБ-* четко разведены по двум словообразовательным моделям: морфема *ОБ-* задействована в отглагольном словообразовании, тогда как морфема *О-* входит в состав конфиксов *о-...-ить* и *о-...-еть* и предназначена для отыменного словообразования.

Проведенный мной словообразовательный анализ собранных глаголов позволяет скорректировать эти утверждения. Таблица 3 показывает, что приставочные глаголы, соотносящиеся и с глагольной, и с именной мотивирующей основой (такие как *обвинить* < *винить*, *вина*; *опьянить* < *пьянить*, *пьяный*) очень частотны и составляют

- подавляющее большинство естественных перфективов (видовых коррелятов глаголов несовершенного вида): 150 (77%) глаголов из 195 (= 150 + 45) общего количества естественных перфективов, согласно 2 и 3 строкам таблицы 3;
- почти 1/3 специализированных перфективов (согласно терминологии [Janda 2007]): 182 глагола в 5 строке таблицы составляют около 31% от общего количества специализированных перфективов (406 + 182 = 588).

Взятые вместе, глаголы с двойной мотивированностью составляют 332 (150 + 182, выделено в таблице серым цветом) лексемы, или 32% всех глаголов с тремя рассматриваемыми приставками. Такие случаи являются промежуточными между отглагольным и отыменным словообразованием и показывают, что две словообразовательные модели разграничиваются не столь четко и однозначно, а индивидуальные примеры образуют скорее континуум, чем бинарную оппозицию.

¹⁴ Я бы хотела поблагодарить Л.А. Янду за помощь в проведении этого статистического анализа. Более подробные сведения об этом статистическом исследовании, данные и программу на языке R можно найти в [Baudimirova 2010: 60, 180] и на указанном выше сайте.

¹⁵ Высокая статистическая значимость согласно следующим результатам: хи-квадрат = 153.77, количество степеней свободы (df) = 3, пи-величина < .0001.

¹⁶ Высокая статистическая значимость согласно следующим результатам: хи-квадрат = 170.04, количество степеней свободы (df) = 3, пи-величина < .0001.

Типы глаголов совершенного вида, образуемые тремя приставками

Тип глагола совершенного вида	Определение	Пример	Количество
Естественный перфектив	Образует видовую пару с бесприставочным имперфективом, содержит якобы «чистовидовую» приставку	<i>обстричь, оцарапать, остынуть</i>	45
Естественный перфектив и одновременно Фактитивный перфектив	Естественный перфектив, который имеет и глагольную, и именную мотивирующую основу	<i>округлить, облицевать, опечалить, опьянить</i>	150
Специализированный перфектив	Приставка меняет лексическое значение производящего глагола несовершенного вида	<i>ожить, обречь, обогнать</i>	406
Специализированный перфектив и одновременно Фактитивный перфектив	Специализированный перфектив, который имеет и глагольную, и именную мотивирующую основу	<i>обвинить, обострить, обмаслить, обледенить</i>	182
Фактитивный перфектив (включает фактитивы и инхоативы)	Глагол совершенного вида, имеющий только именную мотивирующую основу и не имеющий глагольной мотивирующей основы	<i>окрылить, обновить, обомшеть</i>	222
Деэтимологизированный перфектив	Мотивирующая основа неясна с синхронной точки зрения	<i>обмануть, обнять, облачить</i>	32
Сумма			1037

2.7. Результат тестирования гипотезы на лексических данных

Анализ лексического фонда современного русского языка, отраженного в НКРЯ, позволил протестировать гипотезу морфологического расщепления. Статистический анализ выявил статистическую значимость двух факторов – типа производящей основы и места образования начального согласного основы – в распределении приставок по глаголам. Этот результат свидетельствует о тенденции приставок *о-* и *об-* к фонетическому и структурно-семантическому распределению. Однако этот контраст нельзя наблюдать на всем объеме лексических данных.

Количество приставочных глаголов с двойной мотивацией (глагольной и именной) составило 32% всех глаголов, что противоречит ожидаемому в соответствии с гипотезой о расщеплении четкому противопоставлению двух приставок. Кроме того, когнитивный анализ значений приставок позволил описать их в рамках единой модели полисемии и показать взаимосвязь пространственных и непространственных значений.

Профилирование радиальной сети значений, с одной стороны, подтвердило частотность использования *об-* для выражения ряда пространственных значений, а *о-* – для выражения фактитивного и инхоативного значений. С другой стороны, была выявле-

на значительная доля семантического пересечения в употреблении приставок, а также частотность приставки *о-* при выражении некоторых пространственных значений. Кроме того, обнаружилось большое количество отыменных и отадективных глаголов, в которых приставка *о-* одновременно выражает и фактитивное, и пространственное значение.

Так, исследование лексического материала подтверждает наличие тенденции в разграничении употребления приставок *о-* и *об-*, однако обнаруживает и их тесную связь и пересечение, а последнее не позволяет считать их отдельными друг от друга самостоятельными морфемами.

Поскольку анализ лексического материала допускает различные интерпретации, возможным решением проблемы является проведение лингвистического эксперимента, который бы выявил стратегии выбора приставки в зависимости от заданных в стимуле факторов. В следующем разделе речь пойдет как раз о составлении, проведении и результатах такого эксперимента.

3. ЭКСПЕРИМЕНТ

Анализ существующего лексического фонда имеет один недостаток. Любой может попытаться оспорить полученные результаты лишь на том основании, что приставки в существующих глаголах настолько срослись с основой, настолько идиоматизировались и «лексикализировались», что при порождении высказывания на самом деле не происходит никакого активного выбора приставки говорящим, а приставочный глагол воспроизводится вместе с «вросшей» в него приставкой. Это, конечно, не отменяет результатов проведенного анализа лексического состава приставочных глаголов, поскольку выявляет объем лексической компетенции носителя русского языка вместе с описанной сетью взаимосвязанных значений, входящих в полисемию единой морфемы. Однако такой анализ не позволяет сделать уверенные выводы о том, как происходит выбор приставки при образовании абсолютно новых слов, какие модели продуктивны, а ведь именно этот аргумент является центральным для сторонников разноморфемности *о-* и *об-*. До сих пор эти механизмы лингвисты пытались описать на основе анализа отдельных окказиональных образований. Мы провели эксперимент, специально направленный на выявление продуктивных механизмов словопорождения носителей современного русского языка.

3.1. Цель, дизайн, участники и процедура проведения эксперимента

Целью эксперимента было протестировать гипотезу морфологического расщепления на механизмах порождения новых слов носителями русского языка. Главная идея эксперимента заключалась в том, чтобы собрать данные о выборе приставки носителями языка в заданных условиях воздействия трех возможных факторов:

- 1) семантики (пространственное или фактитивное значение);
- 2) фонологии (начальные фонемы мотивирующей основы);
- 3) просодики (место ударения мотивирующей основы).

Именно эти факторы стали тремя главными параметрами, которые определили структуру эксперимента. Для того чтобы выявить, как каждый из трех факторов воздействует на выбор приставки, и измерить степень воздействия каждого фактора по отдельности, факторы были разведены при помощи использования трех типов анкеты: А, В и С. Каждому участнику эксперимента предъявлялся только один тип анкеты. В каждой анкете испытуемым давался ряд коротких нарративов длиной в два-три предложения, в одном из которых был пропущен глагол. Пропуск был выделен многоточием. Задачей каждого испытуемого было вставить в пропуск глагол, образовав его при помощи одной из трех приставок *о-*, *об-* или *обо-*, используя предложенное слово, приведенное перед нарративом. Этим словом в анкетах А и В был глагол движения типа *лететь*,

бежать, а в анкете С – прилагательное типа *русский, живой* и др. После ознакомления с инструкцией и несколькими примерами выполнения задания участник эксперимента должен был прочитать вслух все нарративы, на ходу вставляя в пропуски образуемые им приставочные глаголы.

Нужно заметить, что если предложенные на выбор три приставки были всегда одни и те же, то предлагаемые глаголы и прилагательные были очень разнообразны. В анкетах А и В существующие в русском языке слова типа *бежать, вести, знать, катить, нести* перемежались с квазисловами¹⁷ типа *гузвить, лоприть, чавить, знупить, жгавить*, а в анкете С слова типа *светлый, грубый, сложный, немецкий* перемежались, соответственно, с такими квазисловами, как *гузвый, лопрый, чавый, знупый, жгавый* и т. д. Таким образом в стимулы вводилась вторая переменная, а именно начальные фонемы мотивирующей основы. Одна и та же квазиоснова *гузв-, лопр-, знуп-* и т. п. предъявлялась одной группе испытуемых в виде глагола, а другой группе – в виде прилагательного. Так, например, стимульный глагол типа *гузвить* обязательно задавал пространственное значение порождаемого целевого глагола и его приставки Двигаться вокруг объекта, а ожидаемый ответ для фонологически непроблемных основ (с шумными начальными согласными) был ОБ-: *обгузвить*. По тому же принципу стимульное прилагательное типа *гузвый* обязательно задавало факитивное значение порождаемого целевого глагола и его приставки Сделать каким, а ожидаемый ответ для основ с шумными начальными согласными содержал приставку О-: *огузвить*. Таким образом, семантика приставки была задана через морфологический маркер стимула (глагол или прилагательное) и семантику контекста, а начальные фонемы и место ударения стимула задавали переменные фонематического и просодического факторов.

С помощью квазислов оказалось возможным протестировать различные одиночные согласные фонемы, а также несколько начальных сочетаний согласных. Поскольку наличие беглой гласной в русском языке определяется на уровне индивидуальных реальных лексем, в непроемных стимульных квазисловах обеспечить присутствие беглой гласной было невозможно. Также в целях сохранения оптимальной длины эксперимента в случаях наличия парных согласных по твердости / мягкости пришлось ограничиться твердыми согласными фонемами, то есть в эксперимент были включены начальные согласные *б, л, з*, но не *б', л', з'* (твердость начального согласного была задана посредством выбора букв *а, о, у* для обозначения корневого гласного, тогда как буквы *я, ё, ю, и, е* были исключены). Однако были включены в эксперимент три мягкие согласные фонемы *й (j), ч и ц*, не имеющие твердых аналогов.

В таблице 4 приведен полный список квазислов, использованных в эксперименте, а также ожидаемые согласно гипотезе о морфологическом расщеплении ответы испытуемых. Серым цветом выделены те одиночные начальные согласные, перед которыми согласно фонологическим правилам, ранее суммированным в таблице 1, возможны и *о-*, и *об-*, то есть выбор приставки определяется факитивным либо пространственным значением приставки (и целевого глагола) и ожидается максимально чистый семантический контраст между морфемами О- и ОБ-. Важно, что фонетически ни той, ни другой приставке такие контексты не отдают предпочтения, поэтому именно на них тестируется действие предполагаемого семантического фактора, заданного через часть речи стимула и, соответственно, применимую к нему словообразовательную модель – конфиксальный либо приставочный способ образования. Начальные сонорные согласные, а также *б, п и в* имеют фонологические предпочтения в пользу той или иной приставки, но в то же время допускают обе, хоть и в неравной степени (вспомним *о(б)бежать*, а также *обновить*, но *онеметь*; *обмиричить*, но *омолодить*). Для такого рода «проблемных» фонологических контекстов в таблице 4 приводятся оба возможных приставочных варианта, при этом вариант, ожидаемый в меньшей степени, дается в скобках.

¹⁷ Использование квазислов в данном случае вполне оправданно и является широко применимой практикой в экспериментальных исследованиях такого рода [Gor, Chernigovskaya 2003; Rodina 2007; Makarova 2009].

Стимулы и ответы, ожидаемые в соответствии с гипотезой о морфологическом расщеплении

согл.	Стимулы квазиприл.	Ожидаемые целевые глаголы	Стимулы квазигл.	Ожидаемые целевые глаголы
б	бостый	о-бостить	бостить	о-бостить (об-бостить)
	буклый	о-буклить	буклить	о-буклить (об-буклить)
в	вурлый	об-вурлить (о-вурлить)	вурлить	об-вурлить
	важдый	об-важдить (о-важдить)	важдить	об-важдить
г	гузвый	о-гузвить	гузвить	об-гузвить
	габый	о-габить	габить	об-габить
д	дуктый	о-дуктить	дуктить	об-дуктить
	дамлый	о-дамлить	дамлить	об-дамлить
ж	жахлый	о-жахлить	жахлить	об-жахлить
	жусклый	о-жусклить	жусклить	об-жусклить
з	зопрый	о-зоприть	зоприть	об-зоприть
	зупый	о-зупить	зупить	об-зупить
й (j)	юпый	об-юпить (о-юпить)	юпить	об-юпить
	ялый	об-ялить (о-ялить)	ялить	об-ялить
к	кочлый	о-кочлить	кочлить	об-кочлить
	кампый	о-кампить	кампить	об-кампить
л	лусый	об-лусить (о-лусить)	лусить	об-лусить
	лопрый	об-лоприть (о-лоприть)	лоприть	об-лоприть
м	мурлый	об-мурлить (о-мурлить)	мурлить	об-мурлить
	момлый	об-момлить (о-момлить)	момлить	об-момлить
н	надый	об-надить (о-надить)	надить	об-надить
	нокрый	об-нокрить (о-нокрить)	нокрить	об-нокрить
п	пурый	о-пурить	пурить	о-пурить (об-пурить)
	патлый	о-патлить	патлить	о-патлить (об-патлить)
р	роглый	об-рогнуть (о-рогнуть)	рогнуть	об-рогнуть
	ражрый	об-ражнить (о-ражнить)	ражнить	об-ражнить
с	саглый	о-сагнуть	сагнуть	об-сагнуть
	сурый	о-сурить	сурить	об-сурить
т	тулый	о-тулить	тулить	об-тулить
	товый	о-товить	товить	об-товить
х	хопый	о-хопить	хопить	об-хопить
	хушный	о-хушнить	хушнить	об-хушнить
ц	цавый	о-цавить	цавить	об-цавить

ч	чупый	о-чупить	чупить	об-чупить
	чавый	о-чавить	чавить	об-чавить
ш	шадрый	о-шадрить	шадрить	об-шадрить
	шаклый	о-шаклить	шаклить	об-шаклить
щ	щулый	о-щулить	щулить	об-щулить
гн	гнорый	о-гнорить	гнорить	об-гнорить (обо-гнорить)
жр	жрапый	о-жрапить	жрапить	обо-жрапить
зн	знупый	о-знуть	знуть	об-знуть (обо-знуть)
чт	чтусый	о-чтусить	чтусить	обо-чтусить
жг	жгавый	о-жгавить	жгавить	обо-жгавить
сп	спулый	о-спулить	спулить	об-спулить
ск	сколый	о-сколить	сколить	об-сколить
тк	ткабый	о-ткабить	ткабить	обо-ткабить

В нижней части таблицы 4 подчеркиванием выделены те начальные сочетания согласных, которые в русском языке, как правило, не встречаются с предшествующим б: *бжр, *бчт, *бжг, *бтк [McGranahan 1975: 14, 15], в противопоставление возможным бгн, бзн, бсп и бск, засвидетельствованным в таких глаголах, как *обгнить*, *обзнакомиться* [Ефремова 2000], *обспрашивать* и *обскакать*. В случае начальных сочетаний согласных в зависимости от семантики приставки ожидается выбор либо *о-* для передачи фактитивного значения, либо *об-* и *обо-* для передачи пространственного значения. Для передачи последнего в случае труднопроизносимости или невозможности возникающего сочетания согласных типа *бжр выбор должен делаться в пользу *обо-*, а не *о-*, согласно иерархии алломорфов морфемы ОБ- (см. таблицу 1).

Все квазисловы были смонтированы не с помощью компьютерной порождающей программы, а «вручную», с учетом особенностей фонотактики русского языка. При создании экспериментальных квазислов я руководствовалась хорошо описанным в литературе методом: каждое квазислово создавалось на основе существующей в русском языке лексемы в результате минимальной модификации ее облика [Макарова 2009: 32]. Например, квазиприлагательное *лусый* было получено из реального прилагательного *лысый* путем замены корневой гласной, а квазиглагол *пурить* – из существующих глаголов *бурить* и *дурить* путем замены начального согласного. Однако соблюсти этот принцип получалось не всегда: например, созданное на основе реального прилагательного квазиприлагательное (а точнее его основа) не обязательно соотносилось с основой существующего глагола. Поэтому, чтобы добиться естественности фонологического облика квазислов, использовалась информация о русских согласных и сочетаниях согласных, возможных и частотных в начале и в конце основы слова (обратный словарь [Греве, Крёше 1958–1959], исследование [McGranahan 1975]), а также моя собственная интуиция носителя русского языка. С другой стороны, при создании квазислов было необходимо соблюсти баланс и избежать их излишней близости реальным основам, образующим в русском языке реальные слова с приставками *о-*, *об-* и *обо-*, чтобы исключить возможность возникновения нежелательных ассоциаций с последними, в большей или меньшей степени навязывающих выбор приставки. По словам многих испытуемых, квазислова часто воспринимались как незнакомые архаичные или диалектные, что, на наш взгляд, отвечало задачам и целям эксперимента.

Использование квазислов вызвало необходимость учета дополнительного возможного фактора – просодики¹⁸. Если ударение в квазиприлагательных было задано благодаря окончанию *-ый* (*гузвый*), то квазиглагольные стимулы теоретически могли иметь ударение и на основе (*гузвить*), и на тематическом гласном (*гузвить*). Чтобы учесть место ударения как возможный фактор, оказывающий воздействие на выбор приставки, глагольный тип анкеты был разделен на два подвида – анкеты подтипа А, где все стимулы были глаголами с ударением на основе, и анкеты подтипа В, где все стимулы были глаголами с ударением на тематическом гласном.

Таблица 5 обобщает распределение типов стимулов (глагол с ударением на основе; глагол с ударением на тематическом гласном; прилагательное), типов анкет (А, В, С) и семантических типов ожидаемых целевых глаголов (глаголы движения и фактивные глаголы).

Таблица 5

Типы анкет и распределение информантов

Испытуемые	Целевые глаголы	Ожидаемый ответ	Стимулы	Пример стимула	Анкета	Кол-во испытуемых
Группа 1	Глаголы движения	<i>об-гузвить</i>	Глаголы	<i>гузвить</i>	А	15
				<i>гузвить</i>	В	15
Группа 2	Фактивные глаголы	<i>о-гузвить</i>	Прилагательные	<i>гузвый</i>	С	30

Ниже приведены примеры экспериментальных заданий, типичных для каждого из трех типов анкет:

Анкета А

Гузвить – (о птице) прихрамывать, притворяясь, что одно крыло сломано.

Птица заметила лису и стала манить ее прочь от гнезда. Приподняв одно крыло, как будто оно было сломано, птица отбежала чуть подальше, ... вокруг камня, и, подождав, когда лиса последует за ней, взмыла вверх.

Анкета В

Гузвить – (о птице) прихрамывать, притворяясь, что одно крыло сломано.

Птица заметила лису и стала манить ее прочь от гнезда. Приподняв одно крыло, как будто оно было сломано, птица отбежала чуть подальше, ... вокруг камня, и, подождав, когда лиса последует за ней, взмыла вверх.

¹⁸ Влияние ударения на выбор приставок *о-*, *об-* и *обо-*, насколько мне известно, еще не было объектом специального исследования. Воздействие ударения на выбор приставки отмечали некоторые участники пилотного варианта моего эксперимента. Это заставило обратить на просодический фактор особое внимание. Я провела исследование корреляций ударения и типа приставки на основе 809 реальных приставочных глаголов (а именно глаголов, имеющих ударение на том же слоге, что и в мотивирующей основе), входящих в лексикон русского языка. Результаты подробно описаны в [Baydimirova 2010: 70–74], здесь же ограничусь лишь наблюдением о том, что приставка *обо-* может быть присоединена только к основе с ударением на начальном слоге. Это показало, что в эксперименте тип квазиприлагательных нужно задать именно как *ткабий*, а не *ткабой*, чтобы создать по возможности оптимальные условия для присоединения каждой из трех приставок.

Гузвый – красочный.

Пришла осень и принесла с собой свежесть, ветер и новые краски. Осень раскрасила листья в золото и пурпур, застелила тропы мягким ковром, превратила лес в богато украшенный, гузвый терем. Осень-мастерица постаралась на славу, преобразила лес, ...

Как видно из примеров заданий, нужное значение пропущенного целевого глагола задавалось не только с помощью морфологического типа слова-стимула (глагол или прилагательное), но и с помощью самого контекста предложения. Более того, слово-стимул всегда сопровождалось краткой дефиницией. Примеры анкет и дефиниции всех квазислов можно найти на сайте <http://ansatte.uit.no/laura.janda/AEOB/AEOB.html>. Следует объяснить, почему испытуемым предлагались именно такие дефиниции. Форумулировки могут показаться странными, но их форма далеко не случайна (см. об этом ниже).

Если в языке пространственное и фактитивное значения связаны обширной зоной глаголов «переходного» типа, в которых приставка потенциально выражает оба значения, а сам глагол зачастую соотносится и с глагольной, и с именной производящими основами (*окольцевать* < *кольцевать*, *кольцо*), то в рамках эксперимента пространственное и фактитивное значения необходимо было максимально противопоставить и конкретизировать. Так, обширная область возможных пространственных значений приставок *о-* и *об-* была представлена наиболее прототипическим значением Двигаться вокруг объекта, которое хорошо ощущимо в глаголах движения (*облететь вокруг гнезда*), а из обширной области Наделить / приобрести новый признак было выбрано фактитивное значение Сделать каким, выражаемое конфиксом с приставкой *о-/об-* в отадективных глаголах (*облегчить* < *легкий*, *легчить). Чтобы исключить пересечение фактитивного и пространственного значений в эксперименте, контексты и дефиниции квазиприлагательных вводили ситуации, в которых происходило не пространственное изменение объекта, а качественное: как правило, это изменение чувств, эмоций, способностей или черт характера человека в результате воздействия на него конкретной жизненной ситуации или нового опыта. При этом ситуации должны были быть достаточно реальными, чтобы испытуемые легко могли бы их себе представить и понять. С другой стороны, дефиниции квазиприлагательных могли описывать такие качества, для которых в русском языке нет специального прилагательного: например, *бостый* ‘умеющий изготовлять красивую глиняную посуду’, *спулый* ‘не способный работать правой рукой’, *жгавый* ‘имеющий навязчивую идею постоянно мыть руки’. В отношении квазиглаголов этот принцип был задействован в большей мере, поскольку глаголы движения образуют в русском языке небольшой и закрытый класс, тогда как в эксперименте можно было расширить его благодаря введению различных способов движения, для которых не существует отдельного русского слова: например, *юпить* ‘передвигаться на лыжах без лыжных палок’, *нокрить* ‘передвигаться на коленках’, *хопить* ‘стремительно перемещаться, прыгая при этом на скакалке’, *саглить* ‘передвигаться задом наперед, изредка оглядываясь, чтобы не упасть’ и др.

Из приведенных определений квазиглаголов можно заметить, что в них используются реальные глаголы *передвигаться* и *перемещаться* и отсутствуют такие глаголы, как *идти*, *бежать*, *ехать*, *лететь* и др. Это не случайно. В пилотной предварительной версии эксперимента определения квазислов имели вид *шаклить* ‘ехать верхом на верблюде’, *лоприть* ‘идти, громко топя ногами’, однако был выявлен эффект прайминга. Испытуемые выбирали для квазиглагола ту приставку, которая подошла бы для реального глагола, данного в определении, и эксплицитно описывали эту стратегию. Так, чтобы выбрать приставку для *шаклить*, испытуемые мысленно сопоставляли *шаклить* с глаголом *ехать*, данным в определении, и по аналогии с *объехать* образовывали *обшаклить*. Если в определении стоял глагол *идти*, то квазиглагол присоединял приставку *обо-* по аналогии с *обо-йти*. Чтобы избежать этого эффекта, при составлении определений необходимо было исключить глаголы движения, имеющие в русском языке

ке производные с интересующими нас приставками. Поэтому все глаголы движения были заменены на «нейтральные» глаголы *перемещаться* или *передвигаться*, которые не имеют производных аналогов с приставкой *о-* или *об-*: **о(б)перемещаться*, **о(б)передвигаться*. Глаголы *вальсировать* и *прихрамывать* в дефинициях квазиглаголов были сохранены, поскольку они не имеют производных с приставками *о-* или *об-*.

Угроза эффекта прайминга была актуальна и для квазиприлагательных (*чутый* ‘сильно пьяный’ > *о-* в *опьянить* > *о-* в *очутить*), поэтому их определения были переформулированы так, чтобы использованные в них слова не располагали бы к проецированию приставки реального фактитивного глагола на тот фактитивный квазиглагол, который испытываемому предстояло самостоятельно образовать. Было выработано несколько стратегий формулировки определения квазиприлагательного:

- использование причастия (*зопрый* ‘имеющий выдающиеся музыкальные способности’, *важрый* ‘испытывающий сильное чувство патриотизма’, *сурый* ‘погруженный в уныние’),
- конструкции с предлогом (*чавый* ‘с хорошими манерами’),
- наличие отрицательной частицы *не* в комбинации со словом *способный* при отсутствии **оспособить* в русском языке (*шадрый* ‘неспособный видеть объемные предметы’, *лусый* ‘неспособный есть рыбу’),
- конструкция со словом *полный* (*кочлый* ‘полный спокойствия’, *камный* ‘полный надежд и новых планов’), а также
- комбинации указанных способов (*чутый* ‘немного выпивший’).

Кроме того, использовались такие реальные прилагательные, которые не образуют фактитивов с *о-/об-*: *юный* ‘суеверный’, *шаклый* ‘разочарованный’, *роглый* ‘фашистский’, *хушный* ‘привередливый’ (при отсутствии в русской лексике фактитивов **о(б)суеверить*, **о(б)разочаровать*, **о(б)фашистить*, **о(б)привередить*).

Каждая анкета состояла из 62 заданий, включающих 16 заданий с реальными словами-стимулами и 46 заданий со стимулами-квазисловами. Порядок следования нарративов в каждой анкете был разным, однако всегда выполнялось условие, согласно которому после каждых трех-четырех заданий с квазисловами следовал нарратив с реально существующим словом. Реальные слова-стимулы выполняли в эксперименте несколько важных функций. Во-первых, они были призваны «разбавить» квазислова и отвлечь от них. Во-вторых, реальные слова-стимулы были контрольными: правильное образование приставочных глаголов на их основе говорило о понимании испытуемым сути задания и позволяло учитывать и все остальные ответы. В-третьих, реальные стимулы были подобраны таким образом, что их производные активизировали у участников эксперимента не одну из трех приставок, а все три (*злой* > *обо-злить*, *нагой* > *об-нажить*, *живой* > *о-жить*; *идти* > *обо-йти*, *нести* > *об-нести*, *плести* > *о-плести*¹⁹), и таким образом предотвращали возможность выработки единообразной стратегии выполнения заданий. Более того, некоторые реальные стимулы допускали вариативность в выборе приставки (*о(б)бежать*, *о(бо)злить*) и благодаря этому активизировали внимание информантов к их личным предпочтениям и индивидуальной языковой интуиции, а не заданности языка. Наконец, некоторые реальные стимулы предполагали образование приставочного глагола, мало употребляемого в языке, несмотря на частотность его мотивирующей основы. Например, некоторые информанты затруднялись с ходу образовать такие фактитивы, как *онемечить*, *обрусить* и *обамериканить*, отмечая их относительную маргинальность. Такие задания также активизировали

¹⁹ Не все реальные стимулы были глаголами движения в строгом смысле, поскольку закрытый и небольшой класс глаголов движения не может в равной степени представить все три приставки *о-*, *об-* и *обо-* (см. другие причины в [Baudimirova 2010: 70–74]). Однако приставки в производных глаголах всегда выражали пространственное значение 1 Двигаться вокруг объекта или значение 10 Окружить объект, которые были активизированы словами *вокруг*, *по кругу*, *по периметру*, *несколько раз* в ближайшем контексте глагола в рамках нарратива (*обогнуть*, *оплести*, *обкопать*, *о(б)чертить* (*вокруг*?) и т. п.).

внимание испытуемых к выбору приставки, с которым они сталкивались и в случае квазислов. Нужно добавить, что в целях соблюдения единообразия заданий реальные слова-стимулы тоже сопровождалась краткими определениями, подходящими для предложенного нарратива. Например, определение *голый* ‘без убранства’ предшествовало нарративу *Все картины, тарелочки и фотографии со стен сняли и упаковали в коробки. Мебель перевозили постепенно. Когда совсем ..... стены, в комнате поселилось эхо.*

Испытуемые могли предложить все возможные на их взгляд варианты ответа. Все экспериментальные задания информант прочитывал вслух, вставляя в пропуски образуемые приставочные глаголы, в то время как исследователь записывал ответы информанта в свой вариант анкеты, а также в звуковом виде при помощи программы Praat. Это позволило точно фиксировать выбранное место ударения, сократить время проведения эксперимента, а также выявить многочисленные сомнения испытуемых и конкурирующие варианты. Кроме того, произнесение вслух позволяло самим испытуемым проконтролировать уверенность в собственных ответах.

Эксперимент был проведен в апреле 2010 г., общее количество испытуемых составило 60 носителей русского языка различного пола, возраста и образования²⁰. Чтобы минимизировать эффект важнейших социолингвистических факторов, группы информантов были сбалансированы по полу, возрасту, типу и уровню образования (подробнее см. [Baydimirova 2010: 83–87]). Для окончательного варианта эксперимента отбирались участники с нелингвистическим образованием. Кроме того, возможные влияния были минимизированы отбором информантов из различных городов России – Санкт-Петербурга, Москвы, Ижевска, Мурманска, Архангельска, Ульяновска и Дубны.

Теперь перейдем к полученным результатам.

3.2. Результаты

Как показано в таблице 6, количество ответов, полученных в ходе эксперимента, превышает число стимулов. Это говорит о вариативности в выборе приставки, часто связанной с затруднениями информантов дать единичный ответ. Интересно, что вариативность в случае глагольных и адъективных стимулов оказалась сравнительно одинаковой (ср. 1941 и 1937 ответов на 1860 стимулов).

Таблица 6

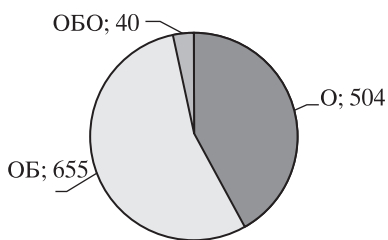
Количество стимулов и полученных ответов

Тип стимулов		Число стимулов		Число ответов		
Глагольные	реальные	16*30 = 480	1860	497	1941	3878
	квази	46*30 = 1380		1444		
Адъективные	реальные	16*30 = 480	1860	490	1937	
	квази	46*30 = 1380		1447		

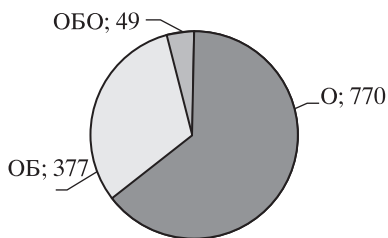
При анализе результатов наибольший интерес представляют ответы, полученные на стимулы-квазислова, представленные в диаграммах 2–5. Диаграммы 2 и 3 показывают, что в случае квазиглагольного стимула (и соответственно пространственной семантики) приоритет чаще отдается приставке *об-*, чем *о-*, а в случае квазиадъективного стимула (и соответственно факитивной семантики) – в точности наоборот, что полностью

²⁰ Предварительно в пилотной версии эксперимента приняли участие еще 12 человек, благодаря чему были скорректированы многие аспекты заданий и процедура проведения эксперимента, подробнее см. [Baydimirova 2010: 78–83].

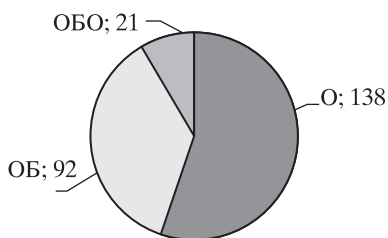
отвечает центральному положению гипотезы морфологического расщепления. Однако количество ответов, не укладывающихся в данную гипотезу, оказывается слишком велико. Так, в случае начальных сочетаний согласных приоритет отдается приставке *о-* независимо от морфологического типа стимула (см. Диаграммы 4 и 5).

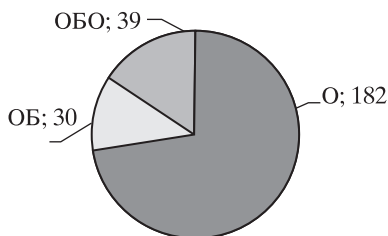
Диаграмма 2. Выбор приставки в случае квазиглагольного стимула с одним начальным согласным

Диаграмма 3. Выбор приставки в случае квазиадъективного стимула с одним начальным согласным

Диаграмма 4. Выбор приставки в случае квазиглагольного стимула с начальным сочетанием согласных

Диаграмма 5. Выбор приставки в случае квазиадъективного стимула с начальным сочетанием согласных

Более точную картину выбора приставок можно представить, если рассмотреть отдельно ответы на те стимулы, в которых фонологические условия оказываются не проблемными и для приставки *о-*, и для приставки *об-*, и где выбор приставки должен определяться исключительно семантикой целевого приставочного глагола. Такими стимулами являются те квазислова, основы которых начинаются на одиночные шумные согласные (второй тип контекстных условий, описанный выше). Полученные ответы на такие стимулы суммированы в таблице 7.

Отмеченные цветом поля таблицы 7 выделяют те ответы информантов, которые соответствуют гипотезе морфологического расщепления. Они составляют большинство и определяют статистическую значимость полученного распределения приставок в зависимости от типа стимула (глагольного или адъективного). Однако число ответов, не укладывающихся в гипотезу о расщеплении, оказывается гораздо выше любых ожиданий и составляет 512 ответов, то есть 36,8% всех полученных ответов на стимулы с не проблемными фонологическими позициями. Это значит, что более чем в трети слу-

**Дистрибуция приставок в непроблемных фонологических позициях
(перед одиночным шумным согласным, кроме *п* и *б*)**

Выбранная приставка	<i>о-</i>		<i>об-, обо-</i>	
	глагол	прилагательное	глагол	прилагательное
Тип стимула	пространственная	фактитивная	пространственная	фактитивная
Целевая семантика	пространственная	фактитивная	пространственная	фактитивная
Количество ответов	315	495	382	197
Всего:	810		579	

чаев действие семантического фактора не соответствует тестируемой гипотезе. Иными словами, пересечение областей активности приставок *о-* и *об-* гораздо значительнее, чем ожидалось.

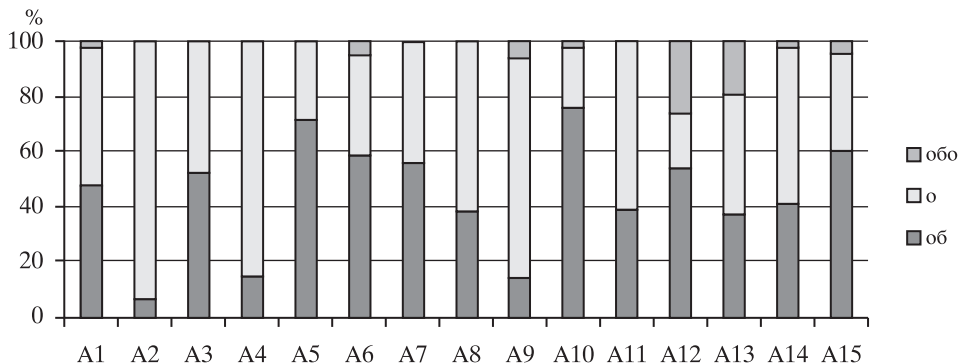
3.2.1. Индивидуальные стратегии информантов

На диаграммах 6 и 7 представлены суммированные ответы информантов, имевших дело с глагольными стимулами (анкеты А и В). Как хорошо видно по диаграммам, приставка *об-* преобладала далеко не у всех испытуемых. Индивидуальные стратегии были весьма разнообразными. Одни информанты для достижения пространственной семантики предпочитали использовать приставку *об-*, как и ожидалось (А5, А10, В6, В8, В10, В11, где буква обозначает тип анкеты, а число – номер информанта), у других в этой роли преобладала приставка *о-* (А2, А4, А9, А11, В1, В3, В9, В12), для третьих приставки *о-* и *об-* оказались почти одинаково возможными конкурентами (А1, А3, А7, А13, В2, В5, В15).

Данные наблюдения подтверждают тесную связь приставок *о-* и *об-* и скорее противоречат гипотезе морфологического расщепления, чем поддерживают ее.

3.3. Статистический анализ

Чтобы определить зависимость выбора приставки от включенных в эксперимент фиксированных факторов (семантики и фонетики), а не от случайных факторов (таких как возможные индивидуальные предрасположенности информантов и самих квазиис-

Диаграмма 6. Индивидуальные стратегии информантов: анкета А (*зўзвить*)

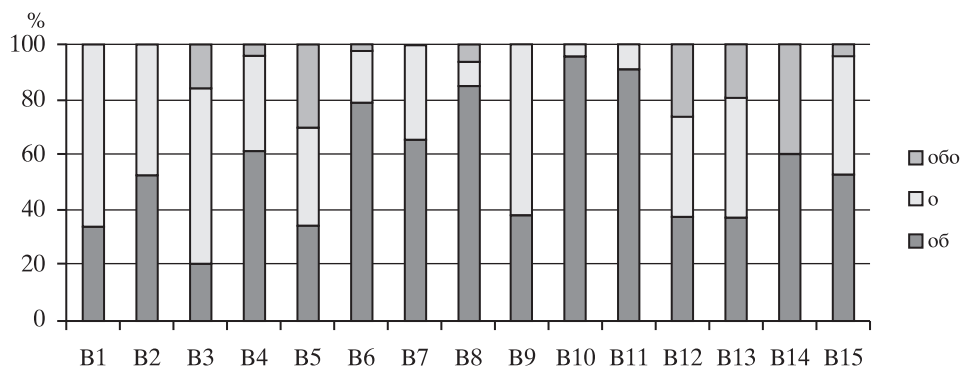

Диаграмма 7. Индивидуальные стратегии информантов: анкета В (*зусвйтть*)

нов к выбору того или иного префикса), был проведен линейный регрессионный статистический анализ. Использовалась смешанная модель со случайными и фиксированными эффектами (Linear regression mixed-effects model). Статистически значимый эффект факторов отражен на диаграммах 8 и 9 и описан ниже.

Статистически значимое воздействие на выбор приставки в ответах информантов оказывают наличие сочетания согласных в начале основы и сонорность начального согласного основы (сонант vs. не-сонант). Это отражено на левом и среднем графиках обеих диаграмм соответственно. Вертикальная ось $p(ob)$ на каждом графике представляет собой шкалу вероятности появления приставки *об-* (чем выше по шкале, тем больше вероятность), а на горизонтальной оси располагаются тестируемые факторы: наличие либо отсутствие начального сочетания согласных (consonant cluster: no vs. yes) и способ образования начального согласного (manner: affr ‘аффриката’, fric ‘щелевой’, son ‘сонорный’, stop ‘взрывной’). На левом графике каждой из диаграмм мы видим одну наклонную линию. Она показывает, что вероятность выбора приставки *об-* понижается, если в начале присоединяемой основы присутствует сочетание согласных. Это наблюдение справедливо и для глагольных, и для адъективных стимулов, поэтому график идентичен на обеих диаграммах. На срединных графиках обеих диаграмм видна зигзагообразная линия. Резкий скачок в вероятности появления приставки *об-* коррелирует только с одной характеристикой начального согласного – его сонорностью. Это наблюдение также справедливо и для глагольных, и для адъективных стимулов. Таким образом, когда носители языка сталкиваются с основами, начинающимися на группу согласных, то предпочитают приставку *о-*, а не *об-*. Если же основа начинается на сонорный, то носители языка отдают предпочтение приставке *об-*.

Тип стимула (глагольная производящая основа или адъективная) также оказался статистически важным фактором выбора приставки. Как показано на правом графике

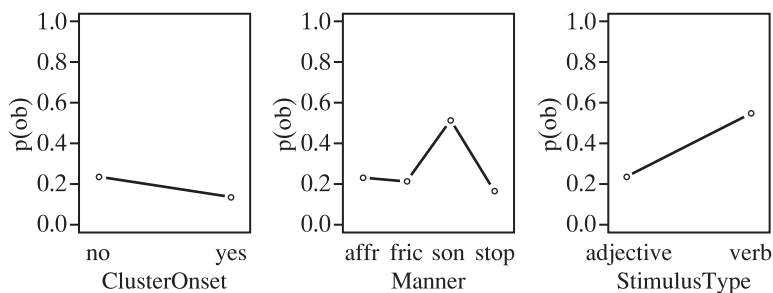
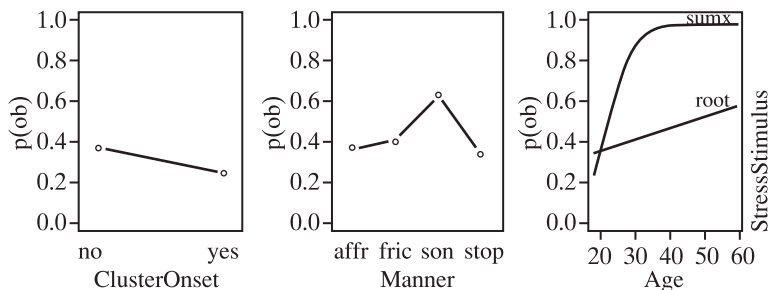

Диаграмма 8. Ответы информантов на глагольные и адъективные стимулы (анкеты А, В, С)

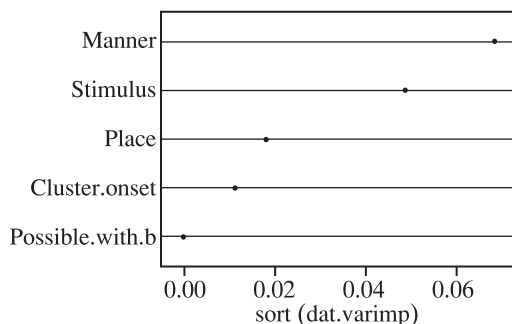
Диаграмма 9. Ответы информантов только на глагольные стимулы (анкеты А, В)

диаграммы 8, вероятность использования приставки *об-* больше (и выше на графике по вертикальной шкале) при наличии глагольной основы (stimulus type: verb) и меньше (а на графике ниже) в случае адъективной основы (stimulus type: adjective).

Кроме того, обнаружилась статистически значимая корреляция места ударения и возраста информанта (см. диаграмму 9, правый график): чем старше носитель языка, тем больше вероятность использования им приставки *об-* в случае глагольной производящей основы, имеющей ударение на тематическом гласном (тип *гузвѣтъ* > *об-гузвѣтъ*). Это интересный результат, еще не описанный в литературе.

Дополнительно был проведен статистический анализ с использованием модели случайных деревьев (random forests model). Одно из ключевых преимуществ этой модели заключается в том, что статистически значимые факторы можно увидеть на общей шкале значимости и таким образом узнать, какой фактор является более значимым, чем другой [Strobl et al. 2009]. Диаграмма 10 отмечает место каждого фактора на общей шкале значимости в соответствии с его весом в распределении данных. Важно, что статистически фонетический фактор, способ образования начального согласного основы (manner), оказывается важнее (а на графике выше и дальше вправо по горизонтальной шкале значимости), чем структурно-семантический фактор (вспомним, что stimulus, или тип мотивирующей основы, задавал в эксперименте и способ словообразования (приставочный и конфиксальный), и семантику приставки (пространственную и факитивную). Большой вес и доминирование фонетического фактора над структурно-семантическим позволяет отдать предпочтение идее об одноморфемности приставок *о-* и *об-*.

На графике представлены как статистически значимые еще два фонетических фактора – место образования начального согласного основы (place) и наличие начального сочетания согласных (cluster onset). Отмеченный внизу графика последний фонетический фактор – совместимость сочетания согласного с последующим *б* (possible with b) – близок к нулю по своей статистической значимости.

Диаграмма 10. Оценка значимости переменных (факторов)

3.4. Подведение итогов эксперимента

Результаты эксперимента частично поддерживают положения гипотезы морфологического расщепления, но в гораздо большей степени ей противоречат.

Проведенный эксперимент позволил выявить гораздо большую степень пересечения и вариативности в области использования приставок *о-* и *об-*, чем предсказывает гипотеза их морфологического расщепления. Особенно важно отсутствие четкого противопоставления *о-* и *об-* в непроблемных фонологических позициях (перед шумными негубными согласными основы).

Индивидуальные стратегии в выборе приставки, а также сомнения и колебания информантов при выборе приставки, обнаруженные в ходе эксперимента, говорят о тесной связи приставок и частой возможности их взаимозамены.

Статистический анализ подтвердил значимость фонетического и семантического факторов при выборе приставки, однако обнаружил больший вес фонетического фактора.

Таким образом, результаты эксперимента позволяют считать, что положения гипотезы морфологического расщепления проблематичны. В качестве альтернативного решения проблемы я выдвигаю гипотезу нестандартной алломорфии и предлагаю считать приставки *о-*, *об-* и *обо-* алломорфами одной морфемы.

4. ГИПОТЕЗА ОБ ОДНОМОРФЕМНОСТИ ПРИСТАВОК И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ ТЕОРИИ АЛЛОМОРФИИ

Подводя итог, нужно сказать, что анализ корпусных и экспериментальных данных показал, что структурно-семантическая специализация приставок *о-* и *об-*, заявленная в работах [Марков 1970; Алексеева 1978; Andrews 1984; Кронгауз 1998], действительно имеет место в языке, однако ее статус, вероятно, следует оценивать как тенденцию и не преувеличивать.

Результаты обоих исследований сходятся на признании статистической значимости двух факторов выбора приставки – наличия сонорного согласного в начале производящей основы и морфологического типа этой основы (глагол или имя). Анализ экспериментальных данных позволил выявить, что в механизмах активного словообразования фонетический фактор имеет больший вес, чем структурно-семантический. Наличие начального сонорного согласного мотивирует выбор приставки и в случае глагольных, и в случае именных производящих основ и предполагает общие фонологические принципы дистрибуции приставок *о-* и *об-*. Выявленный как статистически высоко значимый фактор и для корпусных, и для экспериментальных данных, он служит аргументом в пользу алломорфных различий двух приставок в рамках их морфемного единства.

С другой стороны, специализация *о-* и *об-* в отношении пространственного и фактивного значения и способа словообразования действительно имеет место, однако является только частью общей картины функционирования этих приставок. Семантический и морфемный анализ глагольных лексем обнаружил широкую зону пересечения. 32% всех глаголов характеризуется двойной мотивированностью и одновременно соотносится семантически и структурно и с глагольной основой, и с именной. Наличие пространственных значений у приставки *о-* и, более того, интегрированность ее фактивно-инхоативных значений в общую систему полисемии противоречат контрастивному подходу и, напротив, служат аргументами в пользу одноморфемности приставок. В рамках когнитивного анализа удалось описать разнородные употребления *о-* и *об-* в рамках единой сети взаимосвязанных значений, основанных на одном пространственном прототипе кругового движения. Что касается эксперимента, интересно, что отсутствие семантической дифференциации между *о-* и *об-* было выявлено в количественно сопоставимой области – в 36,8% всех ответов на стимулы с непроблемными фонологическими позициями (начальными шумными негубными согласными). Столь обширная зона пересечения и отсутствия контраста, а также индивидуальные стратегии

информантов, зачастую полностью противоречащие тестируемой тенденции, указывают на сохранение тесной связи этих приставок, на их нередкую взаимозаменяемость и морфемное единство.

Таким образом, результаты обоих проведенных исследований частично поддерживают общее положение гипотезы о морфологическом расщеплении, но в то же время не укладываются в тезис о разноморфемности *о-* и *об-*. Эти приставки далеки от самостоятельности разных морфем, однако признание их одной морфемой чревато проблемой дефектности их алломорфных отношений. Действительно, возможность свободного варьирования *о-* и *об-* сочетается с частичной семантической спецификацией и разными радиальными профилями, а фонетическая дистрибуция разрешает немало отклонений от общих правил.

Алломорфный статус формантов традиционно определяется по двум обязательным критериям – идентичному значению и отношениям дополнительной дистрибуции. Получается, что признание приставок *о-* и *об-* алломорфами единой морфемы противоречит традиционному определению алломорфов.

Я предлагаю считать, что абсолютизация существующей в русском языке частичной спецификации этих приставок была результатом терминологической и теоретической проблемы понимания алломорфии. В теории алломорфии есть только два возможных решения: форманты могут быть либо алломорфами одной морфемы, либо разными морфемами. Само же традиционное понятие алломорфии представляет собой упрощение и идеализацию. Я предлагаю рассмотреть альтернативный анализ, признающий возможность нестандартной алломорфии при когнитивной целостности и одноморфемности приставок *о-* и *об-*. Частичную семантическую спецификацию приставок *о-* и *об-* гипотеза нестандартной алломорфии не отрицает, но видит в ней типичный семиотический процесс: различия в форме выражения порождают развитие семантических различий. При этом в данном случае различия в дистрибуции *о-* и *об-* не пересекают границы единой морфемы.

Интерпретация отношений приставок *о-* и *об-* в современном русском языке с точки зрения нестандартной алломорфии не является простым возвратом к более консервативной гипотезе об их одноморфемности. Прежний анализ этих приставок в терминах единой морфемы не описывал сложное взаимодействие факторов, определяющих как распределение этих приставок по глаголам, так и выбор приставки в ситуации образования окказиональных слов. В настоящей статье фонологический, семантический и просодический факторы были протестированы, были определены их вес и иерархия. Новизна предложенного подхода заключается в выявлении масштаба переходной зоны пересечения семантических ореолов этих приставок, а также в применении статистических методов для оценки значимости и иерархии факторов.

Идея нестандартной алломорфии находит поддержку в работах американских дескриптивистов. Проблемы идентификации морфемы, границ морфемы, различения алломорфа и самостоятельной морфемы активно обсуждались в самых ранних работах по алломорфии – в многочисленных работах Юджина Найды, Зеллига Харриса и Чарльза Хоккета в 40-е годы XX века [Nida 1948; Harris 1942; Hockett 1947]. Так, например, Юджин Найда, впервые введя термин алломорф в лингвистический обиход, обсуждает случаи неидеальной дополнительной дистрибуции и субморфемные семантические различия как закономерные и частотные явления в рамках алломорфии [Nida 1948: 421, 431]. Впоследствии эти идеи были по некоторым причинам забыты в истории лингвистики, но, возможно, пришло время к ним вновь обратиться и переосмыслить идеализированную теорию алломорфии, существующую в современной лингвистике, в свете новых корпусных и экспериментальных данных, оцененных методами статистики.

Проблематичность понятия алломорф обсуждается и в ряде современных работ. Так, например, в статье [Герд 2004] предлагается вообще отказаться от использования понятия алломорфа и говорить о морфеме. Есть и другой вариант. Можно разграничивать алломорфы и неалломорфы на основе статистически значимых противопоставлений и искать более адекватные критерии определения алломорфов и границ морфемы. Такая

попытка уже предпринята в исследовании [Baayen et al. 2013] и в настоящее время реализуется в проекте университета г. Тромсё «Neat theories, messy realities: How to apply absolute definitions to gradient phenomena» под руководством Л.А. Янды и Т. Нессета.

Сторонники структуралистского представления о бинарности языковых единиц вправе считать выдвигаемую идею существования нестандартной алломорфии чреватой множеством потенциальных проблем, таких как размывание границ морфемы. Однако именно таков язык, в нем нет четко расчерченных границ категорий. Границы морфемы действительно размывы, как это хорошо видно в случае приставок *о-* и *об-*. Мы имеем дело скорее с континуумом, который не укладывается в узкие рамки привычных терминов и определений, таких как идентичность значения и дополнительная дистрибуция. Стоит признать, что алломорфия – это явление градуальное: есть более прототипические случаи типа *раз-* и *рас-*, и есть нестандартные случаи типа *о-* и *об-*.

Хочется думать, что само понимание проблематичности идеализированного представления об алломорфии уже открывает перспективы для новой теории этого интереснейшего явления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверьянова 1974 – А.П. Аверьянова. Семантические различия глагольных образований с приставками *о-* и *об-* (*обо-*) // Вопросы семантики. 1974. № 1.
- Алексеева 1978 – А.П. Алексеева. Из истории приставочного глагольного словопроизводства (на примере образований с *об-* и *о-*): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1978.
- Апресян 1995 – Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995.
- Апресян 2005 – Ю.Д. Апресян. О Московской семантической школе // Вопросы языкознания. 2005. № 1.
- Апресян 2009 – Ю.Д. Апресян. Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1. М., 2009.
- Барыкина и др. 1989 – А.Н. Барыкина, В.В. Добровольская, С.Н. Мерзон. Изучение глагольных приставок. М., 1989.
- Герд 2004 – А.С. Герд. Морф, алломорф, морфонема // Теоретические проблемы языкознания: Сб. статей к 140-летию кафедры общего языкознания Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2004.
- Греве, Крёше 1958–1959 – Р. Греве, Г. Крёше. Обратный словарь русского языка / Под ред. М. Фасмера. Висбаден, 1958–1959.
- ГРЯ 1952 – Грамматика русского языка. М., 1952.
- Добрушина 2009 – Е.П. Добрушина. Метафорическая приставка или Периферийное воздействие (к вопросу о семантике приставки *О-/ОБ(О)-*) // М.Л. Ремнева, С.В. Князев (ред.). Вопросы русского языкознания. Вып. 13. Фонетика и грамматика: настоящее, прошлое, будущее. М., 2009.
- Добрушина и др. 2001 – Е.П. Добрушина, Е.А. Меллина, Д. Пайар. Русские приставки: многозначность и семантическое единство. М., 2001.
- Ефремова 2000 – Т.Ф. Ефремова (ред.). Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М., 2000.
- Зализняк 2009 – А.А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. 6-е изд. М., 2009.
- Анна А. Зализняк, Шмелев 2000 – А.А. Зализняк, А.Д. Шмелев. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Земская 2006 – Е.А. Земская. Современный русский язык. Словообразование. М., 2006.
- Исаченко 1960 – А.В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Т. II. Братислава, 1960.
- Иткин 2007 – И.Б. Иткин. Русская морфонология. М., 2007.
- Кошелев 2004а – А.Д. Кошелев. О глаголах с семантикой агрессивности, образованных приставками *о-* и *об-* (*обругать, обвешать, освитьать...*) // Агрессия в языке и речи. М., 2004.
- Кошелев 2004б – А.Д. Кошелев. О концептуальных значениях приставки *О-/ОБ-* // Вопросы языкознания. 2004. № 4.
- Кронгауз 1998 – М.А. Кронгауз. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
- Кузнецов 2000 – С.А. Кузнецов (гл. ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000.

- Ляшевская, Шаров 2010 – *О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров*. Частотный словарь современного русского языка (на материале Национального корпуса русского языка). М., 2010.
- Марков 1970 – *В.М. Марков*. Проблема формирования морфем на основе противопоставления фонетических вариантов // Вопросы грамматического строя русского языка. Казань, 1970.
- МАС – Словарь русского языка. Т. 1–4 / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999.
- Немченко 1979 – *В.Н. Немченко*. Способы русского словообразования. Горький, 1979.
- Нефедьев 1994 – *М.В. Нефедьев*. Семантическая эволюция глагольных приставок *на-* и *об-* в истории русского языка XI–XVIII вв. // Вопросы языкознания. 1994. № 4.
- Нефедьев 1995 – *М.В. Нефедьев*. Заметки о развитии словообразовательных типов (на примере глаголов с приставкой *об-*) // Вопросы языкознания. 1995. № 6.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru)
- Ожегов, Шведова 2001 – *С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова*. Толковый словарь русского языка. М., 2001.
- Пацюкова 2009 – *О.А. Пацюкова*. Протяженный префикс ОБЕЗ- (ОБЕС-): формирование и функционирование // Лингвистика. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 6 (2).
- Рахилина 1998 – *Е.В. Рахилина*. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998.
- РГ 1980 – Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
- Улуханов 1996 – *И.С. Улуханов*. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.
- Ушаков – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. I–IV. М., 1935–1940.
- Эндресен 2011 – *А.А. Эндресен*. Русские приставки *О-*, *ОБ-* и *ОБО-*: разные алломорфы или морфемы? Экспериментальное исследование // Материалы XL Международной филологической конференции в СПбГУ. СПб., 2011.
- Янда 2000 – *Л.А. Янда*. Когнитивная лингвистика // Лекции по когнитивным наукам. Вып. 2. Казань, 2000.
- Янда 2012 – *Л.А. Янда*. Русские приставки как система глагольных классификаторов // Вопросы языкознания. 2012. № 6.
- Andrews 1984 – *E. Andrews*. A semantic analysis of the Russian prepositions/preverbs *О(-)* and *ОБ(-)* // The Slavic and East European journal. 1984. V. 28. № 4.
- Vaayen et al. 2013 – *R.H. Vaayen, L.A. Janda, A. Endresen, A. Makarova, T. Nessel*. Making choices in Slavic: pros and cons of statistical methods for rival forms // Russian linguistics: Space and time in Russian temporal expressions. 2013.
- Bauer 2001 – *L. Bauer*. Introducing linguistic morphology. Bristol, 2001.
- Baydimirova 2010 – *A. Baydimirova*. Russian aspectual prefixes *О*, *ОБ* and *ОБО*: A case study of allomorphy. Master's thesis. Tromsø, 2010. <http://www.ub.uit.no/munin/handle/10037/2767>
- Бєdkowska-Kopczyk 2012 – *A. Бєdkowska-Kopczyk*. Semantic and grammatical features of *o-/ob-* in verbs of emotion in Slovene // Jezikoslovje. 2012. V. 13. № 1.
- Bloomfield 1933 – *L. Bloomfield*. Language. New York, 1933.
- Eckhoff, Janda (в печати) – *H.M. Eckhoff, L.A. Janda*. Grammatical profiles and aspect in Old Church Slavonic // Transactions of the philological society.
- Endresen et al. 2012 – *A. Endresen, L.A. Janda, Ju. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nessel, S. Sokolova*. Russian «purely aspectual» prefixes: Not so «empty» after all? // Scando-Slavica. 2012. V. 58. № 2.
- Gor, Chernigovskaya 2003 – *K. Gor, T. Chernigovskaya*. Mental lexicon structure in L1 and L2 acquisition: Russian Evidence // Glossos. 2003. № 4.
- Harris 1942 – *Z.S. Harris*. Morpheme alternants in linguistic analysis // Language. 1942. V. 18. № 3.
- Haspelmath 2002 – *M. Haspelmath*. Understanding morphology. London, 2002.
- Hockett 1947 – *C.F. Hockett*. Problems of morphemic analysis // Language. 1947. V. 23. № 4.
- Hougaard 1973 – *C. Hougaard*. Выражает ли *o-/об-* совершаемость? // Scando-Slavica. 1973. V. 19. № 1.
- Janda 2007 – *L.A. Janda*. Aspectual clusters of Russian verbs // Studies in language. 2007. V. 31. № 3.
- Janda 2010 – *L.A. Janda*. Cognitive linguistics in the year 2010 // International journal of cognitive linguistics. 2010. V. 1. № 1.
- Janda et al. 2013 – *L.A. Janda, A. Endresen, Ju. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nessel, S. Sokolova*. Why Russian aspectual prefixes aren't empty: prefixes as verb classifiers. Bloomington, 2013.

- King, Minium 2008 – *B.M. King, E. Minium*. Statistical reasoning in the behavioral sciences. Hoboken (NJ), 2008.
- Langacker 2008 – *R.W. Langacker*. Cognitive grammar: A basic introduction. Oxford, 2008.
- Makarova 2009 – *A.B. Makarova*. Psycholinguistic evidence for allomorphy in Russian semelfactives. Master's thesis. Tromsø, 2009. <http://munin.uit.no/handle/10037/2377>
- Matthews 1974 – *P.H. Matthews*. Morphology. An introduction to the theory of word-structure. Cambridge, 1974.
- McGranahan 1975 – *W.J. McGranahan*. Russian initial consonant clusters: A comparative approach // Russian language journal. 1975. V. 29. № 102.
- Nesset et al. 2011 – *T. Nesset, A. Endresen, L.A. Janda*. Two ways to get out: Radial category profiling and the Russian prefixes *vy-* and *iz-* // Zeitschrift für Slawistik. 2011. № 4.
- Nida 1948 – *E. Nida*. The identification of morphemes // Language. 1948. V. 24. № 4.
- Roberts 1976 – *C.B. Roberts*. Lexical differentiation of the Russian prefixal allomorphs O-, OB-, OBO- // Zeitschrift für Phonetik Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. 1976. V. 29.
- Roberts 1981 – *C.B. Roberts*. The origins and development of O(B)-prefixed verbs in Russian with the general meaning 'deceive' // Russian linguistics. 1981. V. 5. № 3.
- Rodina 2007 – *Ju. Rodina*. Semantics and morphology: The acquisition of grammatical gender in Russian. PhD Dissertation. Tromsø, 2007.
- Shull 2003 – *S. Shull*. The experience of space. The privileged role of spatial prefixation in Czech and Russian. Munich, 2003.
- Słonski 1937 – *S. Słonski*. Funkcje prefiksów werbalnych w języku starosłowiańskim (starobułgarskim). Warszawa, 1937.
- Strobl et al. 2009 – *C. Strobl, G. Tutz, J. Malley*. An introduction to recursive partitioning: Rationale, application, and characteristics of classification and regression trees, bagging, and random forests // Psychological methods. 2009. V. 14. № 4.
- Taylor 1995 – *J. R. Taylor*. Linguistic categorization: Prototypes in linguistic theory. Oxford, 1995.
- Timberlake 2004 – *A. Timberlake*. A reference grammar of Russian. Cambridge, 2004.
- Townsend 1968 – *Ch.E. Townsend*. Russian word-formation. London, 1968.

Сведения об авторе:

Анна Александровна Эндресен
 Университет Тромсё
anna.endresen@uit.no

Статья поступила в редакцию 7.02.2013.